

Александр Смирнов

РУССКАЯ ИДЕЯ

БОРОТЬСЯ С МИРОВЫМ ЗЛОМ

2024

Александр Смирнов

**Русская идея. Бороться
с мировым злом**

«Автор»

2024

Смирнов А. А.

Русская идея. Бороться с мировым злом / А. А. Смирнов —
«Автор», 2024

Что такое русская идея? Рассмотрев русскую историю, мы найдем идейный каркас, лежащий в основании русской государственности. Это идея, проходящая через века, — идея спасения мира, борьбы с мировым злом. Сегодня как воздух необходима новая идеология, совместимая с русской идеей. Россия нуждается в миссии, глобальной цели. И именно для достижения мировых целей русским нужно государство мирового уровня. Когда же происходит затухание мессианского огня, всё рушится. Дважды в нашей истории происходили такие катастрофы, связанные с проблемами на идейном уровне. И сегодня появляется необходимость в новой идеологии, совместимой с русской идеей. От этого зависит как судьба России, так и, ни много ни мало, судьба человечества, которому угрожает новый био-техно-экофашизм.

© Смирнов А. А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

1. Поиск русской идеи	6
1.1. Начало	6
Первые упоминания	7
Предыстория	8
Источники	9
1.2. Русская идея в произведениях Достоевского	11
Восточный вопрос. Надежда и разочарование	15
Хронология балканских событий	17
Катастрофа 1878 года	21
Источники	26
1.3. «Братья Карамазовы» – роман пророчество. Предсмертное послание Достоевского	28
Эпиграф	28
Братья	28
Христианские социалисты	31
Пророчество о трагедии России?	32
Эпилог	32
Прощальная речь Алеши Карамазова	33
Подводя итог	34
Источники	35
1.4. Владимир Соловьев – предвестник революции	36
Ошибка философа	37
Стокгольмский синдром	38
Источники	42
1.5. Основоположник русского космизма	43
Источники	46
1.6. Василий Васильевич Розанов	47
Крафт	48
Источники	50
1.7. Безвременье	51
Источники	55
1.8. Солидаризационное развитие человечества	56
Источники	59
2. Древнерусская идеология	61
2.1. Возникновение древней Руси	61
Удивительное соседство	61
Первые упоминания о русах	63
Гостомысл	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Смирнов

Русская идея. Борьба с мировым злом

В ваших руках книга, ознакомившись с которой вы узнаете: что такое русская идея, когда она появилась, как происходили её поиски в XIX–XX веке и почему в веке XXI эти поиски всё еще продолжаются. Автор не стал систематизировать чужие мнения или выбирать из множества наиболее понравившуюся идею.

Мы с вами пойдем иным путем: проанализировав русскую историю, найдем идейную первооснову, которая явилась основанием величайшей империи, мечтой, вдохновлявшей наш народ на великие свершения.

Кому-то может казаться, что поиски русской идеи – это нечто отвлеченное, «игра в бисер», на самом деле это не так. Мы увидим, что за видимой тканью исторических событий лежит идейный каркас, разрушение которого приводит к обрушению империй. И как минимум дважды в русской истории происходит такое обрушение, и во многом из-за проблем, возникших на идейном уровне. Мы рассмотрим этот чувствительный аспект, разобрав вкратце причины обрушения Российской империи и СССР.

Поняв эту скрытую от взоров сущность исторического бытия, можно обосновать необходимость новой идеологической конструкции, которая была бы согласна с русской идеей. Мы сравним русскую идею с идеей совокупного Запада и увидим, что сегодняшнее столкновение России и Запада – это не случайность, а обострившаяся фаза многовекового противостояния.

В четвертой части данной работы мы рассмотрим прогнозы будущего, представленные западными и российскими учеными. И мы увидим, куда движется мир. Вы узнаете про готовящийся так называемый Великий антропологический переход, ожидаемый уже в этом веке. А также поймете, какую роль в будущем человечества может сыграть русский народ, если вернется к своей миссии, своей мечте.

1. Поиск русской идеи

1.1. Начало

Что такое русская идея? Нужно ли её придумывать или она существует, даже не будучи сформулированной? Или же поиск национальной идеи является досужим увлечением узкого круга мыслителей?

Перед вами не научное исследование, а, скорее, размышление, основанное на анализе разнообразного материала: статей, книг, писем, художественных произведений. Мы не ограничимся лишь исследованием текстов, но взглянем на историю нашего государства, проанализируем некоторые важные исторические периоды.

В истории России можно выделить два глобальных периода, разделенных революцией. Они настолько различаются между собой, что, на первый взгляд, не имеют ничего общего. Однако именно наличие этих двух столь различающихся между собой периодов помогло выявить сущность русской идеи. Ведь если бы мы рассматривали какой-то один период, то сделать это было бы сложнее. Могу предположить, что именно поэтому мыслители XIX века не смогли докопаться до сути.

Изначально была идея начать работу с подборки различных высказываний известных людей о том, как они понимают русскую идею, благо высказываний на эту тему достаточно. Была также идея показать, как менялись представления о русской идее у наших политиков самого высшего ранга. Но потом было принято решение не запутывать читателя и сразу перейти к истокам, начать со времени появления этого термина, то есть с XIX века, рассмотрев высказывания известных мыслителей, писавших о русской идее.

Но ведь русская идея не возникла в момент ее первого упоминания. Она, очевидно, существовала и раньше. Чтобы это доказать или опровергнуть, нам придется погрузиться в историю. Начнем с XV века. Углубляться ещё дальше в историю, в домонгольский период, мы не станем, ограничившись лишь кратким упоминанием истории возникновения Руси, крещения, периода раздробленности и начала новой сборки. Во-первых, потому, что данных о раннем периоде истории, которые помогли бы нам в нашем исследовании, сохранилось немного. Во-вторых, и такой уровень погружения уже позволит нам сделать интересные выводы.

Потом мы вернемся в XIX век, изучим переломный момент русской истории и попытаемся понять, что привело Российскую империю к обрушению.

На всем протяжении исследования будет много цитат. Может показаться, что в книге слишком много Достоевского. Ничего не мог с собой поделаться. Федор Михайлович – гениальный мыслитель, много понимавший, глубоко чувствовавший и многое предсказавший.

Анализируя советский период, будем часто обращаться к крайне интересной, хоть и неоднозначной, работе русского философа Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». Не всё сказанное Бердяевым можно принять, тем не менее им вскрыто много интереснейших аспектов коммунизма, народного русского характера, русской исторической судьбы.

Забегая вперед, считаю нужным сказать, что мы с вами увидим: в чем заключается сущность русской идеи, а также поймем, что для её «активации», для того чтобы она начала действовать, ей необходимо облечься в какую-то идеологическую форму. Большинство исследователей не смогли разглядеть саму русскую идею именно потому, что она всегда пребывает как бы в «обертке» некоей идеологической формы. И тогда как русская идея на протяжении веков остается неизменной, «обертка» может меняться. И эта скрытость, неочевидность русской идеи не позволила тем же мыслителям XIX века доискаться её сути. Поэтому существует огромное количество разных мнений, и тема остается актуальной до сих пор.

Первые упоминания

Впервые о русской идее заговорили в XIX веке. Федор Михайлович Достоевский упоминает русскую идею в письме к А. Н. Майкову 18 января 1856 г.: «Я говорю о патриотизме, об русской идее, о чувстве долга, чести национальной. <...> Вполне разделяю с Вами патриотическое чувство нравственного освобождения славян. Это роль России, благородной, великой России, святой нашей матери. <...> Да! Разделяю с Вами идею, что Европу и назначение ее окончит Россия. Для меня это давно было ясно». [1]

Другой раз Достоевский использовал данный термин в 1861 году: «Мы знаем, что не отгородимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях». [2]

Мы видим, что писатель говорит не только о русской идее, но и об идеях других национальностей Европы. А также о том, что русская идея может стать синтезом идей европейских национальностей. Пока просто отметим следующее: в XIX веке не только русский народ был озабочен поиском собственной национальной идеи.

Об этом, безусловно, размышлял не один только Федор Михайлович. Исследователи отмечают всплеск русского национального самосознания, начиная с 30-х – 40-х годов XIX века. Появились работы П. Чаадаева, А. Хомякова, К. Аксакова, В. Белинского, И. Киреевского, А. Герцена, Н. Чернышевского. Правда, зачастую можно говорить о самых общих размышлениях. Происходит, как бы сказать, формулирование проблемы. Русская интеллектуальная мысль разделяется на сторонников русского и европейского взглядов, появляются славянофилы и западники.

Русский менталитет зачастую не может согласиться с европейскими мыслителями, западным подходом к решению тех или иных вопросов. Различие русского и немецкого подходов в решении вопроса объединения нации мы можем видеть в стихотворении Фёдора Тютчева, оппонировавшего немецкому канцлеру Отто фон Бисмарку:

«Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! —
Славянский мир, сомкнись тесней...
«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...» (Сентябрь 1870)

Тютчев, сославшись на известное выражение Бисмарка, считавшего, что нация может быть объединена «железом и кровью», говорит об актуальном для русских мыслителей XIX века так называемом «Славянском вопросе» или объединении славянских племен. И если германский подход заключается в использовании силы оружия, то русский идеал, озвученный Федором Тютчевым, есть идеал христианской любви.

Немецкая философская мысль в XIX веке оказывала огромное влияние на русскую интеллигенцию. Потому важно понимать, что происходило в это время в Германии, в каком направлении развивалась германская мысль.

Предыстория

В это время на месте современной Германии существовало более 30 государств, объединенных в так называемый Германский союз: одна империя – Австрийская; пять королевств: Пруссия, Саксония, Бавария, Ганновер, Вюртемберг; герцогства и княжества, а также четыре города-республики: Франкфурт, Гамбург, Бремен и Любек.

Германия выглядела как Русь периода раздробленности (XII–XV веков). Немецкий поэт и публицист Э. М. Арндт (1769–1860) писал в начале XIX века: «Что ты такое и где ты? Я ищу тебя и не нахожу... Германии нет, мы, немцы – ничто; знают лишь тюрингцев и вестфальцев, жителей Померании и баварцев... о немцах, о Германии не слышно ни слова».

Так называемый «Германский вопрос» – проблема политического статуса и границ Германии – становится одной из важнейших европейских геополитических проблем XIX–XX веков. Возникает немецкий национализм, идея исключительности германской нации.

Фридрих Людвиг Ян (1778–1852), современник Арндта, утверждал, что только греки и немцы являются исключительными народами. Он же пишет о чистоте крови, мечтает о единой Германии, во главе которой должен стоять лидер (*der führer*), при этом «народ должен почитать вождя как спасителя и доверяться ему». По его мнению, новая Германия обязана исповедовать исключительно немецкую культуру, обычаи и даже иметь собственный календарь. Он предлагает все имена иностранного происхождения заменить исконно германскими. Вскоре последователи Яна переходят к практическим действиям. В октябре 1817 года они показательно сжигают книги и предметы, признанные антинациональными. Впервые поднимается трехцветное знамя современной Германии.

Фридрих Ян произносит: «То, что не излечит железо, будет излечено кровью», переиначив слова Гиппократов: «Что не лечит лекарство, лечит железо, что не лечит железо, лечит огонь». Позже эту мысль мы встретим уже у Бисмарка: «Великие вопросы эпохи решаются не мнением большинства и либеральной болтовней в парламенте, а железом и кровью».

В 1875 году немецкий профессор-востоковед Пауль де Лагард говорит о том, что границы германского государства должны простирались на западе от Люксембурга до Бельфора, на востоке от Немана до древних готских земель Причерноморья, на юге с выходом к Адриатическому морю и с потенциалом расширения в Малую Азию. [3]

Рождается понятие: «жизненное пространство на Востоке», под которым понимаются славянские земли, должны, по мысли немцев, послужить делу расширения великой Германии. А вслед за этим рождается концепция германской экспансии: «Натиск на Восток» (*Drang nach Osten*).

В этой атмосфере формируется философия Ф. Ницше (1844–1900), воспевающая сверхчеловека, культ силы и относящаяся с презрением к христианству. Ницше говорит о том, что XX век станет веком борьбы за господство над миром.

Ф. Ницше: «Время мелкой политики прошло: уже грядущее столетие несет с собою борьбу за господство над всем земным шаром, – понуждение к великой политике». [4]

В 1871 году земли Германского союза объединяются в Германскую империю – второй рейх, просуществовавший до 1918 года.

Российская интеллигенция внимательно наблюдала за всеми движениями немецкой мысли, как, впрочем, и за европейской политикой, желая быть в курсе всех новомодных веяний и движений «передовой европейской мысли». Поэтому возникновение немецкого национализма, появление идеи превосходства немецкой нации не могло остаться незамеченным в России.

В 1877 году Достоевский пишет о немецкой «гордой идее»: «Германец, верящий слепо, что в нем лишь обновление человечества, а не в цивилизации католической. Во всю историю свою он только и грезил, только и жаждал объединения своего для провозглашения своей гордой идеи, <...> германец уверен уже в своем торжестве всецело и в том, что никто не может стать вместо него во главе мира и его возрождения. Верит он этому гордо и неуклонно; верит, что выше германского духа и слова нет иного в мире, и что Германия лишь одна может изречь его. Ему смешно даже предположить, что есть хоть что-нибудь в мире, даже в зародыше только, что могло бы заключать в себе хоть что-нибудь такое, чего бы не могла заключать в себе предназначенная к руководству мира Германия. <...> Но с недавних пор он уже начинает коситься на славян весьма подозрительно. Хоть ему и до сих пор смешно предположить, что у них могут быть тоже какие-нибудь цель и идея, какая-то там надежда тоже „сказать что-то миру“». [5]

Русские мыслители были прекрасно осведомлены о европейских исканиях. А некоторые современные исследователи полагают, что сами поиски русской идеи явились своеобразным ответом на интеллектуальный вызов европейской философии. Вот что, например, пишет по этому поводу кандидат исторических наук Томского ГУ С. А. Шпагин: «Методологические основы для новых философско-исторических поисков русской духовной элиты заложила немецкая классическая философия. Именно немецкие философы-романтики впервые избрали категорию „национальной идеи“ как критерий уровня развитости культуры того или иного народа. Для того чтобы доказать свое право на место в истории, Россия в представлении идеалистов-романтиков должна была, как и другие страны, предъявить оригинальную национальную идею». [6]

В XIX веке русская национальная идея так и не была сформулирована. По многим причинам. Однако ценно уже само по себе то, что такие поиски начались. Была предпринята попытка найти сокровенный смысл русской истории. Мыслители, писатели, философы размышляют о «русском пути», решении так называемого «Славянского вопроса» – возможности единения славянских народов – и о том, «какое слово может сказать миру русский народ» (Ф. М. Достоевский).

Однако, если сравнивать с Германией, наши поиски собственной национальной идеи все же более философские, не такие животрепещущие и не требующие немедленного решения.

Возможно, одним из основных результатов начавшегося осмысления явилось понимание инаковости русского исторического пути, разность русского и европейского подходов в политике, различие русской и европейской ментальности. И рассмотренное нами выше стихотворение Ф. Тютчева прекрасно показывает различие русского и немецкого взглядов. Поэт пишет о желании сохранять христианский подход в отношениях между народами. Культ силы первого языческого Рима Ф. Тютчев противопоставляет христианские идеалы Византии, Рима второго.

Но к каким выводам всё-таки пришли интеллектуалы XIX века? В чем они видели русскую идею: в сохранении православной веры, решении славянского вопроса, синтезе европейских идей или в чем-то ином?

В XIX веке едва ли не больше остальных отечественных мыслителей о русской идее размышлял Ф. М. Достоевский. Поэтому в следующей главе мы рассмотрим его взгляды.

Источники

[1] Достоевский Ф. М. (1821–1881). [Сочинения] Т. 28, кн. 1. Письма Достоевского/ Г. М. Фридлендер; Письма [1832–1859] – С 208 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005431140?page=204>

[2] Достоевский Ф. М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 г. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т.18. С.37. (Цит. по: Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы, Эксмо 2003. С.13).

[3] Цитата из главы «Фёлькише бевегунг»; Uwe Puschner: Die völkische Bewegung im wilhelminischen Kaiserreich, Дармштадт 2001, ISBN 3-534-15052-X https://ru.wikipedia.org/wiki/Жизненное_пространство_на_Востоке

[4] Ф Ницше. По ту сторону добра и зла. Прелюдии к философии будущего. Перевод Н. Полилова СПб 1905 С.198 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003728982?page=101>

[5] Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, Том Двенадцатый, Дневник писателя 1877, январь СПб 1883, С.8 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl02000000532?page=10>

[6] Шпагин Сергей Александрович «Ранние славянофилы: у истоков «русской идеи», М., 1997 С.11 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000770844?page=11>

1.2. Русская идея в произведениях Достоевского

Попытки осмысления исторического предназначения русского народа встречаются уже в самых ранних сохранившихся письменных источниках. О судьбе народа, о смысле существования Руси размышляли многие великие писатели, начиная со времен «Слова о Законе и Благодати» митрополита Иллариона (XI в.)

А. С. Пушкин, которого Достоевский называл главным славянофилом России, так писал о своеобразии национальной литературы:

«Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу». [1]

Вслед за Пушкиным Н. В. Гоголь пишет о России как о символической «птице-тройке». Размышления о судьбе России привели к возникновению трех основных направлений: западного, славянофильского и консервативного, интенсивно развивавшихся в течение всего XIX века. В этом отношении интересны философско-публицистические труды Чаадаева П. Я., Белинского В. Г., Хомякова А. С., Грановского Т. Н., Киреевского И. В., Аксакова И. С. и К. С., Данилевского Н. Я., Герцена А. И., Лаврова П. Л., Каткова М. Н., Победоносцева К. П. и др.

Однако мы ограничимся знакомством с трудами Федора Михайловича Достоевского, впервые использовавшего термин «русская идея» и много писавшего о судьбах русского народа.

Интеллектуальные и творческие искания гениального писателя и мыслителя отражены в его произведениях. И здесь следует особо отметить «Дневник писателя», ставший интереснейшим явлением русской литературы. В Дневнике Достоевский излагает свои размышления о русской душе, истории, геополитике, пытается определить, в том числе, и русскую идею.

Но и в других его произведениях мы встретим размышления писателя по поводу судеб русского народа и предназначения России. Знаток человеческих душ, он многое предвидел. Что-то из предсказанного им уже исполнилось, а что-то еще ждет своего времени. Будучи человеком верующим Достоевский, всё рассматривает через призму православного христианства.

В романе «Идиот» (время написания: 1867–1869 гг.) автор устами главного героя говорит о необходимости явить Европе Христа, Которого Европа потеряла, Которого она не знает. Атеизм и социализм называет порождением католицизма, его лжи, пустоты и духовного обнищания:

«Римский католицизм верует, что без всемирной государственной власти церковь не устоит на земле, и кричит: „Non possumus!“ [Не можем! Лат.] По-моему, римский католицизм даже и не вера, а решительно продолжение Западной Римской империи, и в нем всё подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор всё так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, всё, всё променяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?! Как же было не выйти от них атеизму? Атеизм от них вышел, из самого римского католичества! Атеизм прежде всего с них самих начался: могли ли они веровать себе сами? Он укрепился из отвращения к ним; он порождение их лжи и бессилия духовного!» [2]

«Католичество римское даже хуже самого атеизма, таково мое мнение! Да! таково мое мнение! Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа

проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует, клянусь вам, уверяю вас! Это мое личное и давнишнее убеждение, и оно меня самого измучило...» [3]

В цитате, приведенной ниже, мы снова видим отсыл к фразе немецкого «железного канцлера» об объединении через насилие – «железо и кровь».

«Ведь и социализм – порождение католичества и католической сущности! Он тоже, как и брат его атеизм, вышел из отчаяния, в противоположность католичеству в смысле нравственном, чтобы заменить собой потерянную нравственную власть религии, чтоб утолить жажду духовную возжаждавшего человечества и спасти его не Христом, а тоже насилием! Это тоже свобода чрез насилие, это тоже объединение чрез меч и кровь! «Не смей веровать в Бога, не смей иметь собственности, не смей иметь личности <...> И не думайте, чтобы это было все так невинно и бесстрашно для нас; о, нам нужен отпор, и скорый, скорый! Надо, чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они и не знали! Не рабски попадаясь на крючок иезуитам, а нашу русскую цивилизацию им неся...» [4]

Герой Достоевского говорит о социализме, который, по его мнению, хоть и является порождением жажды духовной и отчаяния, зиждется на вере в действенную силу насилия, и в этом сходен с немецким национализмом. В период написания романа (1867–1869 гг.) Достоевский смотрит на европейский социализм как на гибельный путь, от которого Россия может спасти Европу. В последнем романе великого писателя слышны уже другие нотки: как будто бы у писателя меняется взгляд на социализм, а вернее, проскальзывает мысль о возможности облагородить его христианской духовностью, впрочем, это прозвучит лишь намеком. Подробнее рассмотрим это в следующей главе.

Вдумчивому и внимательному читателю становится понятно, что для Достоевского Западная идея – в самом широком понимании – связана с языческой Римской империей. Именно языческий Рим как центр силы и власти стал для Запада потерянным идеалом, который Запад стремится воссоздать в той или иной форме. И даже католичество несет на себе отпечаток этой мечты, этого Западного идеала.

По сути своей Западная идея – есть стремление к всемирной власти. В XIX веке эта мысль прозвучала в Германии, а в XX веке о национальной исключительности и своем «праве» контролировать весь мир говорят англосаксонские идеологи США.

Западный мир влюблен в языческий Рим, ставший олицетворением силы, закона, порядка и власти над окружающими народами. Не забудем, что в языческом Риме все жители делились на «сорта»: патрициев, плебеев, римских граждан, латинян, перегринов (неграждан), дедитициев (бесправных) и рабов.

Западная идея понятна, но она органически неприемлема русскому человеку, ищущему духовности, высшего идеала. Поэтому некоторые пытаются найти «крепкий берег» вне отечества, и не находят, иступленно кидаясь в крайности:

«И не нас одних, а всю Европу дивит в таких случаях русская страстность наша: у нас коль в католичество перейдет, то уж непременно иезуитом станет, да еще из самых подземных; коль атеистом станет, то непременно начнет требовать искоренения веры в Бога насилием, то есть, стало быть, и мечом! Отчего это, отчего разом такое иступление? ...Оттого, что он отечество нашел, которое здесь просмотрел... из тоски по высшему делу, по крепкому берегу, по родине, в которую веровать перестали, потому что никогда ее и не знали!» [5]

Русские никогда не отворачивались от Запада, который видит в нас лишь варваров и ждет насилия, поскольку судит по себе:

«Они ждут от нас одного лишь меча, меча и насилия, потому что они представить себе нас не могут, судя по себе, без варварства». [6]

Федор Михайлович подмечает важную черту русского человека, которую он назвал духовной жаждой, порой принимающей причудливые формы, переходя даже в атеизм:

«Не из одного ведь тщеславия, не всё ведь от одних скверных тщеславных чувств происходят русские атеисты и русские иезуиты, а и из боли духовной, из жажды духовной.... Атеистом же так легко сделаться русскому человеку, легче, чем всем остальным во всем мире! И наши не просто становятся атеистами, а непременно уверуют в атеизм, как бы в новую веру, никак и не замечая, что уверовали в нуль. Такова наша жажда!» [7]

«Откройте русскому человеку русский Свет, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, сокрытое от него в земле! Покажите ему в будущем обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским Богом и Христом, и увидите, какой исполин могучий и правдивый, мудрый и кроткий вырастет пред изумленным миром». [8]

Какие удивительные слова о русской исторической судьбе, поиске правды, который может привести русского человека как к богоборческому атеизму, так и к святости.

В письме цесаревичу Александру (10.02.1873 г.) по поводу романа «Бесы» Достоевский написал:

«...ибо, раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного высокомерия о собственном мировом значении, как нации, никогда мы не можем быть великою нацией и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так „высокомерны“ в своем самомнении и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесли в него каждая хоть один луч света, что оставались сами гордо и неуклонно всегда и высокомерно самостоятельными». [9]

Здесь прозвучала важная мысль: нация, желающая сказать свое слово миру, – сделать самобытный вклад «для пользы всего человечества», – должна ощущать «собственное мировое значение».

По мысли писателя, следуя в фарватере Европы, и не имея идейной дерзости (веры в собственное мировое значение), мы рискуем потерять себя, не дав миру чего-то важного, не раскрыв «свои великие силы». А значит важно сохранить свою самобытность, иметь дерзновение, и веру в собственное мировое значение. И все это нужно не для эгоистического самозамыкания, но для того, чтобы привнести нечто новое («хоть бы даже некий лучик света»).

Итак, появляются общие контуры русской идеи, которая должна иметь мировое значение и иметь целью пользу всего человечества!

Много раз Достоевский говорит, что Россия может дать нечто важное миру. Прежде всего, потому, что русский народ сохранил потерянное западным миром: «нашего Христа». По мысли писателя, западная католическая церковь, искажив христово учение, направила западный мир по гибельному пути. И это путь, ни много ни мало, антихристианский.

В легенде о великом инквизиторе Достоевский полнее раскрыл эту мысль, показав, что католичество, а если смотреть более широко, весь западный мир, стремится к мировой власти, мировому господству.

Инквизитор говорит Христу, что на самом деле, они уже служат другому, и что у людей нужно отнять свободу ради их же счастья. Ибо свобода невыносима для слабого, порочного, бунтующего и неразумного человеческого существа.

Эта легенда стала удивительным пророчеством о том пути, по которому движется Запад. Падшее человеческое естество требует либо преобразования (восхождения), либо тотального контроля. И великий инквизитор сообщает нам о своем выборе, а точнее, о своем глубоком убеждении, что свобода человеку не нужна вообще. Как говорит он Христу, человек сам откажется от нее ради хлеба, зрелищ, а также возможности предаваться греху! И эту возможность инквизитор обещает предоставлять в виде награды. Ибо человек слаб! И только так, по его мнению, можно сделать человека по-настоящему счастливым!

Что это как ни пророчество о настоящем? Будто газету читаешь, настолько написанное актуально сегодня!

«...лишь советы великого страшного духа могли бы хоть сколько-нибудь устроить в сносном порядке малосильных бунтовщиков, „недоделанные пробные существа, созданные в насмешку“. И <...> он видит, что надо идти по указанию умного духа, страшного духа смерти и разрушения, а для того принять ложь и обман и вести людей уже сознательно к смерти и разрушению, и притом обманывать их всю дорогу, чтоб они как-нибудь не заметили, куда их ведут, для того чтобы хоть в дороге-то жалкие эти слепцы считали себя счастливыми». [10]

Какое нелепое, рабское, инфантильное человечество рисует инквизитор в финале! И человеческое ли это общество? Что это за существа, обретшие в итоге некое мифическое счастье несвободы? Люди ли это? Какое новое невиданное рабство пророчески описывает Достоевский?

«Но стадо вновь соберется и вновь покорится, и уже раз навсегда. Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы. О, мы убедим их наконец не гордиться, ибо ты вознес их и тем научил гордиться; докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого. Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке. Они будут дивиться и ужасаться на нас и гордиться тем, что мы так могучи и так умны, что могли усмирить такое буйное тысячемиллионное стадо. Они будут расслабленно трепетать гнева нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке. Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить. <...> И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей – всё судя по их послушанию – и они будут нам покоряться с весельем и радостью. Самые мучительные тайны их совести – всё, всё понесут они нам, и мы всё разрешим, и они поверят решению нашему с радостью,

потому что оно избавит их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного». [11]

Изгнание Христа из жизни низводит человека, разрушает человеческую цивилизацию. Достоевский справедливо обвинил в этом католичество, искажившее христианское учение и ставшее причиной возникновения социализма и атеизма. Для Федора Михайловича, католицизм – это антихристианство.

Сознательно ли нет, Достоевский описал будущее, создающееся сегодня идейными наследниками великого инквизитора, служащими Духу лжи и смерти, теми, кто с христианством не имеет даже формальных связей, ибо сегодня не Ватикан задает мировые тренды.

Мы, живущие в XXI веке, можем своими глазами наблюдать становление мира, описанного Достоевским, мира тотальной несвободы. И уже не католичество стоит во главе этого, а нечто более темное и злое.

«И я ли скрою от тебя тайну нашу? Может быть, ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: мы не с тобой (Христом), а с ним (Страшным Духом), вот наша тайна! Мы давно уже не с тобою, а с ним, уже восемь веков. Ровно восемь веков назад как мы взяли от него то, что ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал тебе, показав тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и доныне не успели еще привести наше дело к полному окончанию». [12]

Это манифест служителей Духа смерти и разрушения, о котором говорил великий инквизитор, Духа, искушавшего Христа в пустыне. Охватывает трепет от осознания того, какие темные глубины открылись гению писателя!

Восточный вопрос. Надежда и разочарование

В «Дневнике писателя», издававшемся с 1877 по 1880 год, Достоевский пишет о текущих политических событиях, излагает на бумаге свои мысли по философским и духовным вопросам. Дневник не является политическим обозрением, это именно заметки писателя. И здесь впервые, пожалуй, Достоевский связывает русскую идею с решением так называемого «Восточного вопроса».

Напомню, «Восточный вопрос» – условное, принятое в дипломатии и исторической литературе обозначение комплекса международных противоречий конца XVIII – начала XX веков, связанных с борьбой балканских народов за освобождение от османского ига.

Очевидно, что это термин имеет западное происхождение, поскольку для России Балканы – это запад или юго-запад, но никак не восток. Но термин прижился в русском языке, поэтому и мы будем пользоваться им.

Помимо идеи освобождения восточных славян от османского ига, зарождается идея панславизма – или объединения славянских народов. Панславизм иногда называли еще «Славянским вопросом».

И несмотря на то, что Османская империя ослабла настолько, что на нее смотрят как на государство, доживающее свой век, именуя ее не иначе как «больной человек Европы», славянские народы, находящиеся под властью осман, притесняются. Ответом на эти бесчинства становятся восстания в славянских областях на Балканах, которые турецкие войска подавляют с исключительной жестокостью. Газеты пишут о десятках тысяч убитых и нечеловеческих зверствах. Балканские события сильно повлияли на мировоззрение Достоевского и нашли свое отражение в Дневнике писателя.

Приведу небольшие выдержки из Дневника, показывающие то, что писатель связывал решение Восточного вопроса и русскую идею.

1876 июнь. «Ну вот, начинается вновь теперь Восточный вопрос: ну, сознайтесь, много ли у нас, и кто именно – способны согласиться по этому вопросу на какое-нибудь одно общее решение? И это в таком важном, великом, в таком роковом и национальном нашем вопросе!» [13]

1876 июль – август. «Идея о Константинополе и о будущем Восточного вопроса так, как я ее изложил, – есть идея старая, и вовсе не славянофилами сочиненная. И не старая даже, а древняя русская историческая идея, а потому реальная, а не фантастическая, и началась она с Ивана III-го». [14]

1877 март. «Одним словом, этот страшный Восточный вопрос – это чуть не вся судьба наша в будущем. В нем заключаются как бы все наши задачи и, главное, единственный выход наш в полноту истории». [15]

1877 сентябрь. «Восточный вопрос (то есть и славянский вместе) вовсе не славянофилами выдуман, да и никем не выдуман, а сам родился, и уже очень давно – родился раньше славянофилов, раньше нас, раньше вас, раньше даже Петра Великого и русской империи. Родился он при первом сплочении великорусского племени в единое русское государство, то есть вместе с царством Московским. Восточный вопрос есть исконная идея Московского царства, которую Петр Великий признал в высшей степени и, оставляя Москву, перенес с собой в Петербург. Петр в высшей степени понимал ее органическую связь с русским государством и с русской душой. Вот почему идея не только не умерла в Петербурге, но прямо признана была как бы русским назначением всеми преемниками Петра. Вот почему ее нельзя оставить и нельзя ей изменить. Оставить славянскую идею и отбросить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства – значит, всё равно, что сломать и вдребезги разбить всю Россию, а на место ее выдумать что-нибудь новое, но только уже совсем не Россию. Это было бы даже и не революцией, а просто уничтожением, а потому и немыслимо даже, потому что нельзя же уничтожить такое целое и вновь переродить его совсем в другой организм». [16]

1877 ноябрь. «Ибо, что такое Восточный вопрос? Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб православия. Судьбы православия слиты с назначением России». [17]

Мы видим, что для Достоевского русский или национальный вопрос теснейшим образом переплетается с решением Восточного вопроса – а именно с освобождением Балканских славян, и дальнейшим движением в сторону объединения славянских народов.

Именно в этом ему видится, неясно еще сформулированное, предназначение русского народа: спасти, помочь, освободить своих – славян. И, видимо, само это объединение славянских племен, которому должна способствовать освободительная и иная деятельность русского народа, будет нашим вкладом в дело всеобщего единения всего человеческого племени. Говорю «видимо», поскольку в трудах мыслителя всё еще нет ясной мысли относительно русской идеи. Но он, как бы это сказать, сам ещё находится в поиске, пытается нащупать нечто важное. Вглядывается в изменяющиеся политические контуры и записывает свои мысли, надежды, ощущения, предчувствия, размышления, которые мы выбираем из разных его трудов.

Достоевский, как и большая часть интеллигенции, захвачен балканскими событиями, предчувствием открывающихся перспектив и возможного раскрытия русским народом своей исторической миссии.

Хронология балканских событий

Русское общество возмущено отсутствием должной реакции «просвещенной Европы» на кровавую резню – жестокое подавление османскими войсками апрельского восстания 1876 года, когда было убито до 30 тысяч болгар.

После апрельского восстания 1876 года бунты вспыхивают также в Боснии и Герцеговине. А в июле 1876 года Черногория и Сербия (на тот момент – автономный округ Османской империи) объявляют войну Оттоманской Порте.

В это время вся Российская империя, пристально следившая за событиями на Балканах, загорается идеей спасения «братушек» (братьев славян). Начинаются сборы пожертвований по всей стране, добровольцы тысячами уезжают на Балканы. Сербскую армию на добровольных началах возглавляет, уехавший туда окольными путями русский отставной генерал Михаил Григорьевич Черняев. Причем русское правительство, узнав о планах генерала уехать, останавливает за ним негласный надзор и не выдает заграничный паспорт. Черняев решает эту проблему через московского предпринимателя М. А. Хлудова, который помог ему получить документы и выехать в Сербию.

Достоевский много пишет на эту тему: о нежелании Европы останавливать истребление славян, о страхе Европы перед Россией, о росте патриотических настроений, о судьбе Константинополя после того, как Османская империя исчезнет, о судьбе славянских народов.

Июнь 1876. «Но, однако, в чем выгода России? Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно. Эта идея есть, между прочим, и всеединение славян; но всеединение это – не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству. ... в этом самоотверженном бескорыстии России – вся ее сила, так сказать, вся ее личность и всё будущее русского назначения». [18]

1876 июнь. «С Петровской реформой явилось расширение взгляда беспримерное... Что же это за „расширение взгляда“, в чем оно и что означает? Это не просвещение в собственном смысле слова и не наука, это и не измена тоже народным русским нравственным началам, во имя европейской цивилизации; нет, это именно нечто одному лишь народу русскому свойственное, ибо подобной реформы нигде никогда и не было. Это, действительно и на самом деле, почти братская любовь наша к другим народам, выжитая нами в полтора века общения с ними; это потребность наша всеслужения человечеству, даже в ущерб иногда собственным и крупным ближайшим интересам; это примирение наше с их цивилизациями, познание и извинение их идеалов, хотя бы они и не ладили с нашими; это нажитая нами способность в каждой из европейских цивилизаций или, вернее, – в каждой из европейских личностей открывать и находить заключающуюся в ней истину, несмотря даже на многое, с чем нельзя согласиться. Это, наконец, потребность быть, прежде всего, справедливыми и искать лишь истины. Одним словом, это, может быть, и есть начало, первый шаг того деятельного приложения нашей драгоценности, нашего православия, к всеслужению человечеству, – к чему оно и предназначено и что, собственно, и составляет настоящую сущность его. Таким образом, через реформу Петра произошло расширение прежней же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве, и не могли не сознать, что назначение и роль эта не похожи

на таковые же у других народов, ибо там каждая народная личность живет единственно для себя и в себя, а мы начнем теперь, когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами, для всеобщего примирения. И это вовсе не позорно, напротив, в этом величие наше, потому что всё это ведет к окончательному единению человечества. Кто хочет быть выше всех в царствии Божием – стань всем слугой. Вот как я понимаю русское предназначение в его идеале. Сам собою после Петра обозначился и первый шаг нашей новой политики: этот первый шаг должен был состоять в единении всего славянства, так сказать, под крылом России. И не для захвата, не для насилия это единение, не для уничтожения славянских личностей перед русским колоссом, а для того, чтоб их же воссоздать и поставить в надлежащее отношение к Европе и к человечеству, дать им, наконец, возможность успокоиться и отдохнуть после их бесчисленных вековых страданий; собраться с духом и, ощутив свою новую силу, принести и свою лепту в сокровищницу духа человеческого, сказать и свое слово в цивилизации. О, конечно, вы можете смеяться над всеми предыдущими „мечтаниями“ о предназначении русском, но вот скажите, однако же: не все ли русские желают воскресения славян именно на этих основаниях, именно для их полной личной свободы и воскрешения их духа, а вовсе не для того, чтобы приобрести их России политически и усилить ими политическую мощь России, в чем, однако, подозревает нас Европа? Ведь это же так, не правда ли? А стало быть, и оправдывается уже тем самым хотя часть предыдущих „мечтаний“? Само собою и для этой же цели, Константинополь – рано ли, поздно ли, должен быть наш». [19]

Достоевский говорит о предназначении русского народа, о русской московской идее, которая якобы была расширена реформами Петра, после которых русский народ, по мысли писателя, осознал свое мировое предназначение.

Достоевский видит цель в том, чтобы послужить всеобщему единению человечества, и первым шагом называет всеславянское единение. Единение непременно на добровольной основе, без насилия и принуждения для блага народов.

1876 декабрь. «Дело для нас состоит не в одном славизме и не в политической лишь постановке вопроса в современном смысле его. Славизм, то есть единение всех славян с народом русским и между собою, и политическая сторона вопроса, то есть вопросы о границах, окраинах, морях и проливах, о Константинополе и проч. и проч., – всё это вопросы хотя, без сомнения, самой первостепенной важности для России и будущих судеб ее, но не ими лишь исчерпывается сущность Восточного вопроса для нас, то есть в смысле разрешения его в народном духе нашем. В этом смысле эти первостепенной важности вопросы отступают уже на второй план. Ибо главная сущность всего дела, по народному пониманию, заключается несомненно и всецело лишь в судьбах восточного христианства, то есть православия <...> В народе бесспорно сложилось и укрепилось даже такое понятие, что вся Россия для того только и живет, чтобы служить Христу и оберегать от неверных всё вселенское православие. Если не прямо выскажет вам эту мысль всякий из народа, то я утверждаю, что выскажут ее вполне сознательно уже весьма многие из народа, а эти очень многие имеют бесспорно влияние и на весь остальной народ. Так что прямо можно сказать, что эта мысль уже во всем народе нашем почти сознательная, а не то что таится лишь в чувстве народном. Итак, в этом лишь едином смысле Восточный вопрос и доступен народу русскому. Вот главный факт <...> Но если народ понимает славянский и вообще Восточный вопрос лишь в значении судеб православия, то отсюда ясно, что дело это уже не случайное, не временное и не внешнее лишь политическое, а касается самой сущности русского народа, стало быть, вечное и всегдашнее до самого конечного своего разрешения. Россия уже не может отказаться от движения своего на Восток в этом смысле и не может изменить его ибо она отказалась бы тогда от самой себя. И если временно, параллельно с обстоятельствами, вопрос этот и мог, и несомненно должен был принимать ино-

гда направление иное, если даже и хотели и должны были мы уступать иногда обстоятельствам, сдерживать наши стремления, то все же в целом вопрос этот, как сущность самой жизни народа русского, непременно должен достигнуть когда-нибудь необходимо главной цели своей, то есть соединения всех православных племен во Христе и в братстве, и уже без различия славян с другими остальными православными народностями. Это единение может быть даже вовсе не политическим. Собственно же славянский, в тесном смысле этого слова, и политический, в тесном значении (то есть моря, проливы, Константинополь и проч.), вопросы разрешатся при этом, конечно, сами собою в том смысле, в котором они будут наименее противуречить решению главной и основной задачи. Таким образом, повторяем, с этой народной точки весь этот вопрос принимает вид незыблемый и всегдашний.

В этом отношении Европа, не совсем понимая наши национальные идеалы, то есть меряя их на свой аршин и приписывая нам лишь жажду захвата, насилия, покорения земель, в то же время очень хорошо понимает насущный смысл дела». [20]

Достоевский уверен, что русский народ понимает цель существования России как сохранение вселенского православия. Поэтому России не избежать движения на Балканы для освобождения славянских народов. Достоевский смотрит дальше. После освобождения, по его мнению, может начаться объединение славян, как пролог к единению вообще всех православных народностей. Конечной целью писатель видит всеобщее братство, всеобщее единение человечества.

Писатель рассуждает о возможных контурах этого всеславянского (или даже всеправославного) союза – объединения, которое должно быть не только и не столько политическим, сколько духовным, что возможно лишь при условии свободного волеизъявления всех, готовых вступить в этот союз. Такое объединение видится ему прообразом будущего всеобщего всепримирения народов, способного послужить преображению самого человека. Россия, по мнению Достоевского, может и должна выступить движущей силой, ядром такого всепримирения. Похоже, что именно в этом Достоевский видит великую миссию русского народа.

1876 июнь. «И не тот же ли это чисто политический союз, как и все прочие подобные ему, хотя бы и на самых широких основаниях, вроде как Соединенные Американские Штаты или, пожалуй, даже еще шире? Вот вопрос, который может быть задан; отвечу и на него. Нет, это будет не то, и это не игра в слова, а тут действительно будет нечто особое и неслыханное; это будет не одно лишь политическое единение и уж совсем не для политического захвата и насилия, – как и представить не может иначе Европа; и не во имя лишь торгашества, личных выгод и вечных и всё тех же обоготворенных пороков, под видом официального христианства, которому на деле никто, кроме черни, не верит. Нет, это будет настоящее воздвижение Христовой истины, сохраняющейся на Востоке, настоящее новое воздвижение креста Христова и окончательное слово православия, во главе которого давно уже стоит Россия. Это будет именно соблазн для всех сильных мира сего и торжествовавших в мире доселе, всегда смотревших на все подобные „ожидания“ с презрением и насмешкою и даже не понимающих, что можно серьезно верить в братство людей, во всепримирение народов, в союз, основанный на началах всеслужения человечеству, и, наконец, на самое обновление людей на истинных началах Христовых. И если верить в это „новое слово“, которое может сказать во главе объединенного православия миру Россия, – есть „утопия“, достойная лишь насмешки, то пусть и меня причислят к этим утопистам, а смешное я оставляю при себе.... может ли ум человеческий вполне безошибочно предсказать и судьбу Восточного Вопросы? Где действительные основания отчаиваться в воскресении и в единении славян? Кто знает пути Божии?» [21]

Хоть бы это и казалось многим утопией, Достоевский хочет верить в эту утопию и возможность её реализации, причисляет себя к утопистам, верящим в эту мечту.

Братская любовь, всепримирение народов, преображение и обновление людей на началах Христовых. Можно сказать, что это есть смелая модель коммунизма, но не атеистического, а христианского. К сожалению, писатель набросал лишь самые общие контуры желаемого.

Говоря о православии, Достоевский имеет в виду нечто большее, чем просто религию и обряды – он говорит о христианской философии, о принципах, на которых зиждется христианство: любви, самопожертвовании, служении ближним. Для него важна не церковность, не клерикализм, ни обрядоверие, а душа народная, христианское миропредставление, способное преобразить человека и человечество.

1876 июль – август. «Даже, может быть, и ничему не верующие поняли теперь у нас наконец, что значит, в сущности, для русского народа его Православие и „Православное дело“? Они поняли, что это вовсе не какая-нибудь лишь обрядная церковность, а с другой стороны, вовсе не какой-нибудь *fanatisme religieux* (религиозный фанатизм), как уже и начинают выражаться об этом всеобщем теперешнем движении русском в Европе, а что это именно есть прогресс человеческий и всеочеловечение человеческое, так именно понимаемое русским народом, ведущим всё от Христа, воплощающим всё будущее свое во Христе и во Христовой истине и не могущим и представить себя без Христа». [22]

1876 сентябрь. «Вникните в православие: это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве, по-настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ, – по крайней мере, это главное. В Европе давно уже и по праву смотрят на клерикализм и церковность с опасением: там они, особенно в иных местах, мешают течению живой жизни, всякому преуспеванию жизни, и, уж конечно, мешают самой религии. Но похоже ли наше тихое, смиренное православие на предвзвешенный, мрачный, заговорный, пронырливый и жестокий клерикализм Европы?» [23]

1877 год. Достоевский продолжает размышлять над русской национальной идеей, связывая её с решением Восточного вопроса и последующим всеединением.

1877 январь. «Вы верите (да и я с вами) в общечеловечность, то есть в то, что падут когда-нибудь перед светом разума и сознания, естественные преграды и предрассудки, разделяющие до сих пор свободное общение наций эгоизмом национальных требований, и что тогда только народы заживут одним духом и ладом, как братья, разумно и любовно стремясь к общей гармонии. Что ж, господа, что может быть выше и святее этой веры вашей? И главное ведь то, что веры этой вы нигде в мире более не найдете, ни у какого, например, народа в Европе, ..., у нас всех, русских, – эта вера есть вера всеобщая, живая, главнейшая; все у нас этому верят и сознательно и просто, и в интеллигентном мире и живым чутьем в простом народе, которому и религия его повелевает этому самому верить. Да, господа, вы думали, что вы только одни „общечеловеки“ из всей интеллигенции русской, а остальные только славянофилы да националисты? Так вот нет же: славянофилы-то и националисты верят точь-в-точь тому же самому, как и вы, да еще крепче вашего! <...> все у нас, несмотря на всю разногласицу, всё же сходятся и сводятся к этой одной окончательной общей мысли общечеловеческого единения. Это факт, не подлежащий сомнению и сам в себе удивительный, потому что, на степени такой живой и главнейшей потребности, этого чувства нет еще нигде ни в одном народе. Но если так, то вот и у нас, стало быть, у нас всех, есть твердая и определенная национальная идея; именно национальная. Следовательно, если национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемир-

ное общечеловеческое единение, то, значит, вся наша выгода в том, чтобы всем, прекратив все раздоры до времени, стать поскорее русскими и национальными». [24]

Достоевский, похоже, окончательно решает, что русская идея заключается в стремлении ко всемирному общечеловеческому единению. Это некий идеальный финал, к которому должно прийти человечество.

1877 март. «Мы, Россия, действительно необходимы и неминуемы и для всего восточного христианства, и для всей судьбы будущего православия на земле, для единения его. Так всегда понимали это наш народ и государи его... Одним словом, этот страшный Восточный вопрос – это чуть не вся судьба наша в будущем. В нем заключаются как бы все наши задачи и, главное, единственный выход наш в полноту истории. В нем и окончательное столкновение наше с Европой, и окончательное единение с нею, но уже на новых, могучих, плодотворных началах. О, где понять теперь Европе всю ту роковую жизненную важность для нас самих в решении этого вопроса! Одним словом, чем бы ни кончились теперешние, столь необходимые, может быть, дипломатические соглашения и переговоры в Европе, но рано ли, поздно ли, а Константинополь должен быть наш, и хотя бы лишь в будущем только столетии! Это нам, русским, надо всегда иметь в виду, всем неуклонно. Вот что мне хотелось заявить, особенно в настоящий европейский момент» [25]

1877 ноябрь. «С Востока и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасет европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чем для России заключается Восточный вопрос». [26]

Федор Михайлович пишет, что с запада может прийти, и уже идет социализм (который назван «грядущим», то есть приближающимся, наступающим). Иными словами, мир стоит на пороге больших изменений. И Россия, по его мнению, может предотвратить это, и «вновь спасти Европу». Для этого России нужно решить Восточный вопрос. Возможно, он был прав. Но произошло иное.

Катастрофа 1878 года

Россия встала на защиту балканских славян и объявила войну Османской империи. Весь народ загорелся идеей помощи братьям славянам. Еще до объявления войны на Балканы отправились тысячи добровольцев. По всей России люди жертвовали на благое дело. А потому, когда царь объявил войну Османской империи, эта новость была встречена ликованием.

Русские писатели и мыслители принялись обсуждать будущие судьбы проливов и Константинополя, а также будущее устройство новых балканских славянских государств. В обществе возникло всеобщее ожидание глобальных изменений.

Достоевский, как и большая часть русской интеллигенции, как и весь русский народ, внимательно следит за происходящим. Но его увлекает не столько политика, сколько её идейная подоплека: русская идея, панславизм, решение Восточного вопроса, будущее России и человечества.

Русские, проявляя чудеса героизма, сражаются на Балканах, продвигаясь к Константинополю. Но европейские государства, не желая усиления России, начинают тайно поддерживать Османскую армию. Германия поставила туркам современные орудия, а Англия передает современные скорострельные винтовки, использование которых привело к огромным потерям русских войск при штурме Плевны (до 35 тысяч убитыми и ранеными).

В Дневнике писателя Достоевский даже пишет о необходимости изменения тактики ведения войны из-за появления многозарядных скорострельных винтовок. Но Плевна взята, вражеские войска опрокинуты, и русские доходят до Константинополя.

В это время Англия и Австро-Венгрия грозят вступить в войну на стороне Османской империи, в случае если русские зайдут в Константинополь. И царь дает приказ остановиться.

Русские войска останавливаются под стенами Константинополя.

По итогам войны в местечке Сан-Стефан Россия и Османская империя подписывают мирный договор. Однако европейские державы требуют пересмотра мирного договора! Удивительная дерзость. Но ещё удивительнее то, что власть соглашается на это и идет на пересмотр итогов войны. Как? Почему? Откуда такая покладистость?

В июне 1878 года в Берлине собираются страны, не участвовавшие в войне, которые фактически навязывают России новый мирный договор, постаравшись максимально умалить результаты нашей победы. А некоторые страны даже приобрели новые территории! Так Англия получила право оккупировать Кипр, а Австро-Венгрия – Боснию и Герцеговину!

По итогам нового мирного договора урезана сумма контрибуции, которую должна выплатить побежденная сторона. Но, пожалуй, обиднее всего было то, что Болгария не получила независимость, оставшись данником Османской империи.

Катастрофа! Унижение! Позор! Многие в России видели это именно так.

Вот что писали Московские ведомости в 1878 году:

7 июля. «Наши противники торжествуют великую победу. Английские министры возвращаются с конгресса триумфаторами и в упоении своего торжества забыли всякое приличие». [27]

8 июля. «Лондонская публика узнала о содержании Берлинского трактата ранее других... Английская печать радуется безмерно, что заключенный конгрессом трактат устраняет опасность для мира. ... Но кому бы вы думали обязана Европа сохранением мира? России? О нет! ... князю Бисмарку, затем французским уполномоченным потом графу Андраши... наконец, всех более самому лорду Беконсфильду. А Россию не благодарят даже ради приличия.... Что касается немногих неблагоприятных суждений в английских газетах о Берлинском трактате, то они двоякого рода. Одни недовольны, что еще слишком мало сделано против России». [28]

10 июля. «Лорд Солсбери потешается и над нашим военным вознаграждением [которое было снижено с почти 1,5 миллиарда до 300 миллионов рублей. – А. С.]. В силу специальных английских деклараций, занесенных в протокол, Порте де вовсе нечего беспокоиться об уплате контрибуции <...> лорд впадает в тон игривой иронии, говоря о „бесконечно отдаленном периоде“ в течение коего России придется ожидать уплаты этого вознаграждения». [29]

12 июля. «Лорд Беконсфильд <...> досадует на то, что за Россией все-таки остались Батум и Карс; «но что же было делать? Воевать? Но это крайне убыточно, да, пожалуй, и не отвоевали бы. А мы лучше приняли меры, чтобы впредь Россия более не воевала с Турцией, заключив с султаном оборонительную конвенцию. Уступив России.. мы крикнули ей: «До сих пор, и ни шагу далее». [30]

Наши противники понимают, что главная цель России, ради которой мы и начали эту компанию, – освобождение славян, освобождение Болгарии. И они прилагают максимум усилий, чтобы именно это достижение отнять у России.

20 июля. «Единственный по важности вопрос, от коего зависело всё остальное соглашение, был именно вопрос о Болгарии... Россия могла бы без ущерба своему достоинству и интересам отказаться от всех прочих своих приобретений, если бы в этом вопросе она вполне достигла предложенной цели. Россия имеет в нем интерес, пред которым ничтожны все оставшиеся за нею приобретения. Не для них и начала Россия войну, а за „святое дело“ с которым отождествлялась традиционная цель русской политики, за освобождение родственного и единоговерного ей племени. Это отлично понимал и главный враг наш, Англия, предвидя как достижением той цели должно было возвыситься значение России. На уничтожение именно этого результата нашей войны и были направлены все ее усилия. Мы видели, что с нашими приобретениями Англия легко примирилась, а из-за оставления забалканской Болгарии под властью султана она будто бы готова была на войну. ... Торгуясь с нами по всем пунктам, Англия более всего заботилась уничтожить главную цель бывшей войны и закрепить лучшую часть Болгарии более чем прежде под турецким владычеством». [31]

У нас отнимают победу. Россию показательно и принародно унижают. Одновременно с этим территориальные приобретения получили страны, не участвовавшие в войне.

Общественность обращается к царю с просьбой: не подписывать унижительный мир. И. С. Аксаков, выступая (22 июня 1878) в Московском Славянском Благотворительном Обществе, произнес пронзительную речь.

И. С. Аксаков: «Скажите вы все, здесь собравшиеся: неужели все это не сон, не просто страшные грёзы, хотябы и наяву? Неужели и впрямь на каждом из нас уже горит неизгладимое клеймо позора?... Не мерещится ли нам все то, что мы будто видим, слышим, читаем?... Ужели хоть долю правды должны мы признать во всех этих корреспонденциях и телеграммах, которые ежедневно, ежечасно, на всех языках, во все концы света разносят теперь из Берлина позорные вести о наших уступках и, передаваясь в ведение всего народа, ни разу не опровергнутые русскою властью, то жгут его стыдом и жалят совесть, то давят недоумением? <...> Ты ли это, Русь-победительница, сама добровольно разжаловавшая себя в побежденную? Ты ли на скамье подсудимых как преступница, каешься в святых, подъятых тобою трудах, молишь простить тебе твои победы?... Едва сдерживая веселый смех, с презрительной иронией, похваливая твою политическую мудрость, Западные державы, с Германией впереди, нагло срывают с тебя победный венец, преподносят тебе взамен шутовскую с гремушками шапку, а ты послушно, чуть ли не с выражением чувствительнейшей признательности, подклоняешь под нее свою многострадальную голову!» [32]

И в отчаянии обращается Аксаков к царю: неужели этот позорный мир будет подписан? Не может быть, чтобы власть пошла на это:

И. С. Аксаков: «Но каких бы щедрых уступок, во вред России и к выгоде наших врагов, ни натворили русские дипломаты, — разве Россия, в лице своего Верховного Представителя, сказала свое последнее слово? Не верим, что все эти щедроты на счет русской крови и чести были одобрены Высшею властью; не верим и не поверим, пока не появится о том официальное правительственное извещение. Но даже и предположить подобное извещение было бы преступлением против достоинства власти! <...>

И в самом деле, мыслимо ли, чтобы весь этот колоссальный абсурд, эта ошеломляющая нелепость решений конгресса, это сплошное надругательство над Россией могло когда-либо стать совершившимся фактом?

<...>

Из-за чего возгорелась война, из-за какого ближайшего повода? Из-за турецкой повальной резни, совершенной над населением Южной Болгарии. Какая главная возвышенная задача войны? Вырвать Болгарское племя из-под турецкого ига. Никогда никакая война не возбудила такого всеобщего на Руси сочувствия и одушевления, не вызвала столько жертвоприношений любви, не заслужила в такой полной мере названия «народной», как именно эта война, благодаря именно этой священной задаче. По переходе наших войск через Дунай, Императорская прокламация объявляет Болгар свободными <...> После исполинских усилий, русские войска преодолевают Балканы; русские власти водворяют новый строй и по всей Южной Болгарии. Сан-Стефанским договором, скрепленным подписью Императора России и подписью самого Турецкого падишаха, вся Болгария <...> возводится в княжество <...> Поверила наконец несчастная страдальца-страна своему избавлению... и вдруг... с соизволения той же самой... избавительницы России, как по живому телу распиливается Болгария на две части, и лучшая, плодороднейшая ее часть, Забалканская, та именно которая наиболее истерзана, изъязвлена, осрамлена турецкими зверствами, возвращается в турецкое рабство!... вновь закрепостить их побежденному извергу <...> на лютую турецкую месть за то, что верили в русскую власть, за братское сочувствие к русским!

<...>

И осмелится кто-нибудь поверить, чтобы такие результаты конгресса были освящены согласием русской власти!... Да, что же такое случилось? Не потерпели ли мы поражения, страшного, поголовного...? Ничего не случилось, никаких боев не было. Только притопнул лорд Биконсфилд, да Австрия пригрозила пальцем... Русская дипломатия, пожалуй и могла испугаться, но только она одна, и никто больше.

<...>

Одним словом, что весь конгресс ничто иное как открытый заговор против русского народа. Заговор с участием самих представителей России!!... И мы отважимся поверить, что на все это последовало одобрение Верховной Власти? <...> Никогда!

<...>

Австрийские войска вступят в Боснию и Герцеговину. С умиленным единодушием все державы, исключая Турции, но не исключая России, благословили Австрию на оккупацию, ...двух славянских земель, а потом на подчинение себе, в той или другой благовидной форме <...> и независимой Сербии и независимой Черногории, и всей продольной полосы Балканского полуострова вдоль западных границ Болгарии, вплоть до Эгейского моря!

<...>

Нет таких и слов, чтобы заклеить по достоинству это предательство, эту измену историческому завету, призыванию и долгу России. Согласиться на такое решение – значит подписать свое самоотречение, как Главы и Верховной Представительницы Славянского и всего Восточно-Христианского мира, – значит утратить не только свое обаяние, не только сочувствие, но и уважение славянских племен <...> Русский народ <...> для того только и пролил ты свою драгоценную кровь, принес в жертву сотни тысяч твоих сынов, для того ты и разорялся и временно обнищал, стяжал себе поистине венец страстотерпца и мученика, чтобы собственными победами унижить себя как славянскую державу, расширить владения, умножить силу врагов твоих и всего славянства, и подчинить православных славян господству немецкой и католической стихий! Напрасный мученик, одураченный победитель, полюбуйся на свое дело!

<...>

Нет, что ни происходило бы там на конгрессе, как бы ни распиналась русская честь, но жив и властен её венчанный Оберегатель, Он же и Мститель! Если в нас, при одном чтении газет, кровь закипает в жилах, что же должен испытывать царь России, несущий за нее ответственность перед Историей? Не Он ли сам назвал дело нашей войны «святым»? Не Он ли, по

возвращении из-за Дуная, объяснил торжественно приветствовавшим его депутатам Москвы и других русских городов, что «святое дело будет доведено до конца»?

...

Несокрушим и непобедим русский царь, если только Он, с ясностью исторического сознания, с твердой верой в предназначение своего народа, отложив в сторону попечение об интересах Западноевропейских держав, интересах своекорыстных и нам враждебных, возденет, по выражению наших древних грамот, «высоко, грозно и честно» в своей длани знамя России – оно же знамя славян и всего восточного христианства!» [33]

Сколько боли в этих словах! Без сомнения, Аксаков стал выразителем чувств, боли всего многомиллионного русского народа. Но, несмотря на приходившие из Берлина известия, сохранялась надежда на царя, который всё понимает и не согласится с этим позорным договором. Увы, чуда не произошло. Все решения Берлинского конгресса были приняты Россией.

Это стало позором, но одновременно и приговором власти. Некоторые историки полагают, что именно после так бесславно закончившейся Русско-Османской войны в стране усилились бунтарские настроения и историческая судьба России была решена. Не используя свой пусть зыбкий и неясный, исторический шанс, как писал Достоевский, «войти в полноту истории», страна погружается в полусонное состояние апатии, которое Александр Блок позже назовет «безвременьем». Российская история разворачивается в сторону революции.

События, происходившие в Берлине, воспринимаются как предательство, унижение, катастрофа. Именно как о катастрофе стали говорить о событиях 1878 года. Ниже приводится выдержка из политико-этнографического очерка «Восточный вопрос», изданного в 1898 году.

«Отступление от Константинополя и эта боязнь пред Англией чрезвычайно повредили России в нравственном отношении, доказав всему миру ея бессилие и своего рода неуверенность бороться, отстоять свое дело. И, в сущности, что могла бы сделать Англия со своим флотом только? Он ведь рисковал быть запертым в проливах и достаться целиком русским, как приз, и это вполне вознаградило бы те потери по берегу Черного моря, которые могли случиться при бомбардировке англичанами некоторых русских городов, что также не обошлось бы даром англичанам...

Итак, Россия, благодаря своей же политике внутри и извне, развиваясь не в меру с ростом своего населения, не веря в себя и боясь катастроф 1856 и 1878 годов, утратила идею Петра и Екатерины II и, судя по тому, как теперь двигается ея дело, она едва ли может помышлять об обладании проливами и Константинополем и тем более о каком бы то ни было клочке земли на Балканском полуострове». [34]

Хочется верить, что Россия помнит историю и крепко выучила её уроки. Враги-то помнят наверняка.

Катастрофа 1878 года стала крахом и для Достоевского. В январе 1881 года, за месяц до своей смерти, Достоевский говорит о Восточном вопросе в прошедшем времени. Хотя еще недавно (сентябрь 1877) он писал, что отказаться от него равносильно гибели России («Оставить славянскую идею и отбросить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства – значит всё равно, что сломать и вдребезги разбить всю Россию, а на место ее выдумать что-нибудь новое, но только уже совсем не Россию»).

28 января 1881 года по старому стилю, или 9 февраля по новому – григорианскому стилю – в возрасте 59 лет ушел из жизни великий русский писатель и философ Федор Михайлович Достоевский. Диагноз: туберкулёз лёгких, хронический бронхит.

В марте 1881 года членами тайной революционной организации «Народная воля» убит Александр II.

Источники

- [1] Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Воскресенье, 1996. Т.11. С.40.
- [2] Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского изд.6 том 7 «Идиот». С. Пб. 1904 С.524–525 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003975973?page=527>
- [3] Там же С.524
- [4] Там же С.525–526
- [5] Там же С.526–527
- [6] Там же С.527
- [7] Там же С.526–527
- [8] Там же С.527
- [9] Достоевский, Фёдор Михайлович (1821–1881). [Сочинения] Т. 29, кн. 1. Письма [1869–1873] С.260.
<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005431157?page=256>
- [10] Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского Т13 «Братья Карамазовы. Роман в четырех частях с эпилогом» Том 1 СПб1904 С. 277–278 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003975967?page=284>
- [11] Там же С.274–275
- [12] Там же С.273
- [13] Дневник писателя за 1876 год Ф. М. Достоевского, СПб, 1879 С 160 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003591983?page=170>
- [14] Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1876. Июль и август. Глава первая. II. Нечто о петербургском баден-баденстве. // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1994. Т. 13. С. 219–221 <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol13/181.htm>
- [15] Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского издание шестое Том 12 Дневник Писателя за 1877,1880–81 гг СПб 1906 С 81 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003975968?page=84>
- [16] Там же С.291
- [17] Там же С.357
- [18] Дневник писателя за 1876 год Ф. М. Достоевского, СПб, 1879 С. 164 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003591983?page=174>
- [19] Там же С.165–166
- [20] Там же С.331–333
- [21] Там же С.168
- [22] Там же С.216
- [23] Там же С.242
- [24] Полное собрание сочинения Ф. М. Достоевского издание шестое, Том 12 Дневник писателя за 1877, 1880–81 гг СПб, 1906 С. 21–23 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003975968?page=25>
- [25] Там же С 81–82
- [26] Там же С.358
- [27] Собрание передовых статей Московских ведомостей 1878 год / М. Н. Катков. – Москва: Издание С. П. Катковой, 1897 С. 297 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003946871?page=306>
- [28] Там же С.298–300
- [29] Там же С.303
- [30] Там же С.306
- [31] Там же С.317

[32] Сочинения И. С. Аксакова 1860–1886: Т. [1] -7. – Москва: тип. М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°), 1886–1887. – 7 т.; 23. Славянский вопрос: Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси»: Речи в Славянск. ком. в 1876, 1877 и 1878. – 1886. – VIII Москва. Типография М. Г. Волчанинова (бывш. Н. Н. Лаврова и Ко). 1886. «Речь И. С. Аксакова, произнесенная 22 июня 1878 в Московском Славянском Благотворительном Обществе. С 298 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003911002?page=307>

[33] Там же С.299–307

[34] «Восточный вопрос. Политико-этнографический очерк», СПб 1898 года, типография В. Д. Смирнова.» С.8–9 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003682104?page=10>

1.3. «Братья Карамазовы» – роман пророчество. Предсмертное послание Достоевского

Рассмотрим роман Достоевского «Братья Карамазовы», написанный им за несколько лет до смерти (время написания 1878–1880 гг.). Этот роман называют величайшим романом писателя. Думается, не будет преувеличением сказать, что это своего рода роман-пророчество, роман, ставший предсмертным посланием гениального писателя.

Эпиграф

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». (Иоанн. 12:24).

О какой смерти хочет сказать писатель? Ведь эпиграф является своеобразным прологом и заключает в себе смысл, раскрываемый текстом романа, который читатель сможет понять по прочтении всего произведения. Иногда эпиграф используется для того, чтобы весь последующий текст читатель воспринимал в его свете. В любом случае, мы видим указание на смерть, без которой не будет воскресения и плода.

Мы уже понимаем состояние автора, писавшего роман после катастрофы 1878 года, явившейся, наверняка, и личной трагедией писателя, крушением его надежд. Возможно, Достоевский духовно прозревал то, что эта катастрофа приведет Россию к революции (мы помним его мнение, что отказ от решения Восточного вопроса равносителен разрушению России). Позже русский философ Н. А. Бердяев назовет революцию прохождением через смерть. Впрочем, не только о смерти, но и о неизбежном возрождении говорит данный эпиграф.

Братья

Роман строится на описании судеб, характеров и взаимоотношений братьев семьи Карамазовых: Дмитрия, Ивана, Алексея и внебрачного сына Федора Павловича – Павла Смердякова.

Можно предположить, что, используя образы братьев, Достоевский хочет сказать нечто о русском народе и судьбе России. Разные по характеру братья Карамазовы символизируют различные психотипы или даже разные слои русского общества, или, если можно так сказать, разные черты характера народного. Судите сами.

Старший – Дмитрий – самая трагичная фигура романа. Он легко переходит от восторга к гневу, от ненависти к любви; склонный к кутежу и разврату в юности, укоряет себя за это всю остальную жизнь; человек чести, готовый скорее прослыть убийцей, чем вором, кающийся в крови слуги своего отца. Дмитрий может символизировать буйную сторону русского человека, широту души и необузданность мучающих его страстей. А может означать и некоторую часть русского народа, буйного, мечущегося, ищущего и не находящего успокоения в мире. Именно Дмитрию принадлежат слова:

«Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В Содоме ли красота? Верь, что в Содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, – знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». [1]

Другой брат – Иван – ученый, вольнодумец, отрицающий Бога. Именно ему принадлежат слова, которые в упрощенном и немного измененном виде звучат так: «Если Бога нет, то все позволено». Иван представляет образ современной писателю прогрессивной, безбожной, увлеченной Западом интеллигенции.

Самый младший – Алеша Карамазов – послушник в монастыре. Это образ христианской России, богомольной, ищущей Христа, готовой идти за Христом, стремящейся всех понять, примирить между собой. Он произносит известное: «Не могу я отдать вместо „всего“ два рубля, а вместо „иди за мной“ ходить лишь к обедне», – что представляет собой размышление над словами Христа: «Раздай всё и следуй за Мной» (Мф 19:21).

Алеша символизирует ту часть русского народа (ту часть характера русского народа), которая, если поверит, то непременно почувствует влечение раздать имение и уйти в монастырь.

Алеша Карамазов – центральный герой, о чем писатель говорит в самом начале романа. И это весьма показательно, ведь основные события связаны с другими братьями. Алеша вызывает у всех симпатию, всех соединяет, примиряет. Его доброта, сердечность, открытость преобладают над другими чертами.

Четвертый Карамазов – внебрачный сын Федора Карамазова – Павел Смердяков – лакей, живущий в доме своего отца. Именно он в итоге убивает своего папеньку ради 3000 рублей.

На Смердякова производят сильнейшее впечатление слова Ивана: «Все позволено». После убийства Смердяков говорит пораженному до глубины души Ивану:

«Вы убили, вы главный убийца и есть, а я только вашим приспешником был, слугой Личардой верным, и по слову вашему дело это и совершил». [2]

Смердяков символизирует всё самое низменное, что, безусловно, присутствует в русском, как и в любом другом, народе.

Не забудем еще одного Карамазова – отца, Федора Павловича. Это очень неприглядный персонаж: блудник, кошунник, не верящий в Бога, скряга, наживший состояние сомнительными сделками, державший питейные заведения в городе. Он совершенно не занимается детьми и даже более того, предпочитает сбыть своих малолетних детей в чужие руки.

Не занимавшийся воспитанием своих сыновей, Федор Павлович стремится отделаться от них и тогда, когда сыновья собираются у него дома. Причем имущественные претензии к отцу имеет только Дмитрий. Другие приезжают к отцу, руководствуясь иными причинами. Алексей приезжает, чтобы посетить могилу матери, которую отец даже не может найти. И ему помогает слуга Григорий, на свои средства поставивший могильный памятник. Алексей поступает послушником в монастырь, где и проживает, время от времени навещая отца и братьев. Цели Ивана для многих остаются загадкой. Вроде бы он приезжает по просьбе Дмитрия, но более вероятно – по любви к одной особе. Отношение Ивана к отцу и Дмитрию выражает случайно брошенная фраза:

«Один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога!» [3]

Если верно предположение, что братья Карамазовы означают русский народ, то кого в таком случае подразумевает Достоевский под образом отца? Не о существующей ли власти он хочет сказать нечто? Не думаю, что писатель решил таким образом указать на царя. Скорее всего, старший Карамазов символизирует власть вообще, высшее общество, верха, элиты, оторвавшиеся от народа, переставшие его понимать, в каком-то смысле бросившие его.

Конечно, это спорная трактовка, которая многим придется не по душе. Возможно, и ошибочная. Впрочем, после катастрофы 1878 года у писателя могли измениться взгляды на высшую власть Российской империи.

Судите сами. Перед нами отец – тот, кто должен быть примером и для своих детей, центром притяжения, источником любви. Вместо этого перед нами предстает трагикомичный, отталкивающий персонаж. Почему так? Если бы мы рассматривали бульварный роман, а не предсмертное произведение гения, названное величайшим романом писателя, вопросов бы не возникло. А здесь вопрос возникает.

Безусловно, Достоевский не революционер, он не требует изменения строя, тем более революционным путем. И здесь присутствуют размышления о настоящем и будущем России, русского народа.

В предыдущей главе мы рассмотрели мысли писателя, и знаем, что он видел идеальное будущее в братстве, всеединении народов. Эту же мысль, эту грезу он вкладывает в сердце Алеши Карамазова:

«Все равно, он (Старец Зосима) свят, в его сердце тайна обновления для всех, та мощь, которая установит наконец правду на земле, и будут все святы, и будут любить друг друга, и не будет ни богатых, ни бедных, ни возвышающихся, ни униженных, а будут все как дети Божии и наступит настоящее царство Христово». Вот о чем грезилось сердцу Алеши». [4]

Похожая мысль: о необходимости преодолеть разделение и прийти к братству – звучит в словах неизвестного, о котором вспоминает старец Зосима:

«Человек за всех и за вся виноват, помимо своих грехов.... И воистину верно, что когда люди эту мысль поймут, то настанет для них царствие небесное уже не в мечте, а в самом деле»... «Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше, чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства». <...> «Истинное обеспечение лица состоит не в личном уединенном его усилии, а в людской общей целостности». [5]

Достоевский видит, что этому препятствует «личное уединение» и собственность с правами, которые люди не смогут безобидно разделить «никакою наукою и никакою выгодой»:

«Раньше, чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства. Никогда люди никакою наукою и никакою выгодой не сумеют безобидно разделиться в собственности своей и в правах своих. Все будет для каждого мало, и все будут роптать, завидовать и истреблять друг друга. Вы спрашиваете, когда сие сбудется. Сбудется, но сначала должен заключиться период человеческого уединения». [6]

Достоевский называет причину, препятствующую всеединению народов: собственность и некие «личные права», приводящие к зависти, усилению страстей, возмущениям, и за которые люди готовы истреблять друг друга. Уж не социалистические нотки здесь можно услышать? Но оставим пока. Никто не пытается записывать Достоевского в социалисты, хотя, кажется, что-то изменилось и в его отношении к социализму. Впрочем, автор не предлагает никакого пути к преодолению этого разобщения. Сказано лишь, что оно неизбежно наступит когда-то. А пока:

«Надо все-таки знамя беречь, и нет-нет, а хоть единично должен человек вдруг пример показать и вывести душу из уединения на подвиг братолюбивого общения, хотя бы даже и в чине юродивого. Это чтобы не умирала великая мысль...» [7]

И все же Достоевский остается противником западных социалистических идей, потому что современный ему идущий с Запада социализм есть социализм атеистический.

«Социализм есть не только рабочий вопрос или так называемого четвертого сословия, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога, не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю». [8]

Идеалом для Достоевского является братство, единение и преодоление разделения не через атеизм и социализм, который он считает утопичным и губительным для мира (сравнивает с Вавилонской башней), для Достоевского идеал – это Церковь. И эту мысль высказывает отец Паисий в споре с Миусовым:

«По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более». [9]

И еще: «Государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле, что совершенно уже противоположно и ультрамонтанству, и Риму, и вашему толкованию, и есть лишь великое предназначение православия на земле. От Востока звезда сия воссияет». [10]

Достоевский не принимает атеистический социализм, называя его Вавилонской башней. И вместе с тем говорит о необходимости преодоления разделения виной которому в том числе собственность.

Предлагаю рассмотреть еще один эпизод, оставивший открытым важный вопрос, ответа на который Достоевский не дал. Видимо, читатель должен ответить на этот вопрос самостоятельно.

Христианские социалисты

Речь пойдет об эпизоде, случившемся в монастыре, куда пришли Карамазовы и некоторые их знакомые для общения со старцем Паисием. Пока все ждут появления Дмитрия Карамазова, Миусов рассказывает отцу Паисию историю от лица некоего представителя политического сыска, преследовавшего революционеров-социалистов во Франции:

«Мы, – сказал он, – собственно этих всех социалистов – анархистов, безбожников и революционеров – не очень-то и опасаемся; мы за ними следим, и ходы их нам известны. Но есть из них, хотя и немного, несколько особенных людей: это в Бога верующие и христиане, а в то же время и социалисты. Вот этих-то мы больше всех опасаемся, это страшный народ! Социалист-христианин страшнее социалиста-безбожника». <...>

– То есть вы их прикладываете к нам и в нас видите социалистов? – прямо и без обиняков спросил отец Паисий». [11]

Но этот вопрос остался без ответа. Как бы повис в воздухе.

Достоевский рассказал, что бывают социалисты и при этом христиане. И сказал, что они для французской власти страшнее, чем социалисты безбожники. Почему страшнее? Это какой-то намек на силу, которую обретает социалистическая идея в соединении с духовно-

стью? Почему монахи сравниваются с социалистами христианами? Почему Паисий не возмущился этому сравнению, а Миусов не подтвердил и не опроверг предположение старца Паисия? Почему Достоевский прервал этот разговор, оставив его без ответа?

Возможно, у него самого не было ответа на эти вопросы. Он как бы вбрасывает мысль, дарит ее читателю, предлагая самому поразмыслить. Возможно, Достоевский специально оставил этот вопрос открытым.

Очень интересная и многозначительная недомолвка, на которую мало кто обращает внимание. А зря.

Пророчество о трагедии России?

Но вернемся к роману. Перечитывая это удивительное произведение, не мог отделаться от мысли, что Достоевский предвидел крушение государства. О нем он говорит аллегорически, языком художественных образов, а как иначе? Если бы об этом было сказано прямо, то цензура, без сомнения, не пропустила бы роман в печать. Посмотрим на итоги романа:

1) Отец убит тем, кому он доверял, как самому себе.

2) Иван обезумел.

3) Дмитрий отправляется на каторгу, хотя говорит, что, возможно, бежит в Америку. Этот побег задумал и готовился осуществить Иван. Почему в Америку? Что хотел сказать писатель, используя этот образ? Отход от русского пути?

4) Убийца Смердяков повесился.

Из семьи Карамазовых только Алеша не пострадал. Можно сделать вывод, что только в христианской части русского народа (его христианской духовности), которую олицетворяет Алексей Карамазов, Достоевский видит надежду на спасение и будущее возрождение России.

Эпилог

В эпилоге романа Достоевский описывает – внимание! – похороны! Хоронят второго-степенного персонажа – мальчика Ильюшу, сына штабс-капитана Снегирева. Мальчик этот пострадал от несправедливости и унижения, которому подвергся его отец. Дмитрий Карамазов выволок Снегирева за бороду из трактира и вел так по городу. В это время Ильюша вышел из школы и стал свидетелем унижения своего родителя. Видели это и другие школьники, с которыми потом Ильюша борется, отстаивая честь семьи, честь отца. В ход идут слова, камни и даже перочинный нож. Камень, ударивший в грудь мальчика, а может, не только камень, привели к болезни и смерти Ильюши. И почему-то именно эта смерть стала эпилогом всего романа о братьях Карамазовых.

Что хотел сказать этим автор? О какой несправедливости, приведшей к смерти, говорит писатель? На похороны чего он хочет указать? Это не случайный образ. Это эпилог. Кстати, вспомним эпиграф, который также аллегорично говорит о смерти и воскресении.

Штабс-капитан Снегирев – типичный представитель «униженных и оскорбленных», а его сын – чистая душа, смелый мальчик, мечтающий об отмщении оскорбителю своего отца. Он просит отца вызвать обидчика на дуэль. Но когда отец объясняет, что это невозможно, ведь на руках штабс-капитана больная жена, две дочери и сын, тогда сын умоляет хотя бы не брать денег у обидчика и так сохранить свою честь. В итоге мальчики из его класса примиряются с Ильюшей. А после смерти и похорон Ильюши Алеша Карамазов произносит интереснейшую речь.

Ильюша – чистая душа, ребенок, который не смог пережить унижение того, кого он любил, не примирившийся с несправедливостью, безысходностью, невозможностью исправить содеянное, убитый отчаянием. Складывается ощущение, что сам Достоевский прощается с

некоей своей надеждой и светлой мечтой. Как будто сам хоронит что-то важное, чистое, светлое, и хочет сказать какое-то последнее слово на смерть этого чего-то очень важного для него самого. Нужно вернуться к предыдущей главе, чтобы понять: о какой потерянной надежде, о прощании с какой мечтой, может идти речь. Думается, что Достоевский имел в виду воодушевление, охватившее всю Россию перед началом Балканской войны, ожидание скорого решения «Восточного вопроса» и возникшую перспективу осуществления исторической миссии, связанной с единением славянских народов, новым словом, которое Россия скажет миру.

Прощальная речь Алеши Карамазова

«Вот мы и расстанемся, господа. Согласимся же здесь, у Илюшина камушка, что не будем никогда забывать – во-первых, Илюшечку, а во-вторых, друг об друге.. И что бы там ни случилось с нами потом в жизни, хотя бы мы и двадцать лет потом не встречались, – все-таки будем помнить о том, как мы хоронили бедного мальчика, в которого прежде бросали камни... а потом так все его полюбили. Он был славный мальчик, добрый и храбрый мальчик, чувствовал честь и горькую обиду отцовскую, за которую и восстал. Итак, во-первых, будем помнить его, господа, во всю нашу жизнь...не забывайте никогда, как нам было раз здесь хорошо, всем сообща, соединенным таким хорошим и добрым чувством, которое и нас сделало на это время любви нашей к бедному мальчику, может быть, лучшими, чем мы есть в самом деле». [12]

Достоевский предполагает, что можно стать более бесчувственными, если забыть некогда объединившую всех идею.

«Может быть, мы станем даже злыми потом, даже пред дурным поступком устоять будем не в силах, над слезами человеческими будем смеяться и над теми людьми, которые говорят... «Хочу пострадать за всех людей», – и над этими людьми, может быть, злобно издеваться будем. А все-таки как ни будем мы злы, чего не дай Бог, но как вспомним про то, как мы хоронили Илюшу, как мы любили его в последние дни... Мало того, может быть, именно это воспоминание одно его от великого зла удержит, и он одумается и скажет: «Да, я был тогда добр, смел и честен». [13]

Достоевский не знает, что будет дальше с русским народом, с Россией. Его гнетет ощущение надвигающейся катастрофы, но он всё-таки восклицает с сомнением и надеждою:

«Это я говорю на тот страх, что мы дурными сделаемся... но зачем нам и делаться дурными, не правда ли, господа? Будем, во-первых и прежде всего, добры, потом честны, а потом – не будем никогда забывать друг об друге». [14]

«Господа, милые мои господа, будем все великодушны и смелы, как Илюшечка, умны, смелы и великодушны, как Коля... и будем такими же стыдливými, но умненькими и милыми, как Карташов. Да чего я говорю про них обоих! Все вы, господа, милы мне отныне, всех вас заключу в мое сердце, а вас прошу заключить и меня в ваше сердце! Ну, а кто нас соединил в этом добром хорошем чувстве, об котором мы теперь всегда, всю жизнь вспоминать будем и вспоминать намерены, кто как не Илюшечка, добрый мальчик, милый мальчик, дорогой для нас мальчик на веки веков! Не забудем же его никогда, вечная ему и хорошая память в наших сердцах, отныне и во веки веков! <...>

– Будем помнить и лицо его, и платье его, и бедненькие сапожки его, и гробик его, и несчастного грешного отца его, и о том, как он смело один восстал на весь класс за него!» [15]

«Восстал на весь класс» – похоже на то, как Россия встала против всей Европы за свободу братьев-славян. Европы, которая потом ужасно оскорбила, унизила, умалив и едва ли не отняв победу России на злополучном Берлинском конгрессе.

Но писатель не оставляет нас без надежды. Илюша еще воскреснет, и эта мысль приводит в восторг Алешу Карамазова:

«Карамазов! – крикнул Коля, – неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых, и оживем, и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?

– Непременно восстанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было, – полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша». [16]

Подводя итог

Взглянем на роман не просто как на хорошее художественное произведение, а как на предсмертное послание гениального писателя русскому народу. Мы видели, что Достоевского, как и весь русский народ, воодушевила освободительная война на Балканах. А потом было разочарование Берлинского конгресса 1878 года – события, как нам кажется, не только политического, но и сущностного, разрушившего некую сокровенную русскую надежду. Достоевский предвидит надвигающуюся катастрофу и говорит о ней языком художественных образов.

Надвигающаяся трагедия – это атеистическая революция, которая становится возможной из-за вырождения элит, власти, потерявшей связь с народом. Что иное мог иметь в виду Достоевский, создавший столь неприглядный образ отца – Федора Карамазова? Насколько сильным было разочарование писателя во власти, если он действительно имел в виду власть? К сожалению, спросить об этом у него мы не можем.

Федор Михайлович полагал, что цель, к которой должно стремиться человечество, – это всемирное общечеловеческое единение. И, по его мнению, великой миссией и предназначением русского народа является служение этой великой и благой цели. Русская идея, в его понимании, в конечном счете должна привести к такому общечеловеческому единению.

Ф. М. Достоевский: «Следовательно, <...> национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение». [17]

Общечеловеческое единение есть объединение на принципах любви, братства, служения при сохранении самобытности каждого народа. И такое объединение можно осуществлять только любовью, но никак не насилием. Поэтому, по мысли Федора Михайловича, только христианство может стать основанием человеческого всеединства. А поскольку Россия сохранила неповрежденное христианское учение, то наше призвание – встать во главе такого объединения. Таков, повторяюсь, идеал, такова русская миссия и русская идея в представлении Ф. М. Достоевского.

Не раз в своих записках Достоевский высказывает мысль, что именно русские могут быть «всечеловеками» (интернационалистами), потому именно русские, через свою способность служить другим, могут и должны послужить благу человечества.

Если можно так сказать, Достоевский видел возможность «выхода в полноту истории» через освобождение балканских славянских народов, братский союз которых стал бы первым шагом на пути единения человечества. Но после того как «недружественные страны» Европы сделали всё, чтобы закрыть это «окно возможностей», Достоевский, как и вся Россия, теряет что-то важное, некую цель, придающую смысл дальнейшему существованию. Писатель вообще перестает писать о русской идее и полностью погружается в творчество, пишет свой последний роман «Братья Карамазовы», в котором, как кажется, не только намекает на катастрофу, к

которой движется русская христианская цивилизация, но и размышляет о возможности соединения социализма с христианской духовностью. Эти мысли не были оформлены явно, но лишь как бы возникают полупонамеком. Так исследователи творчества писателя говорят, что в запланированной второй части романа Алеша должен был стать революционером! Что это значит? Как вторая книга раскрыла бы нам мировоззрение писателя? Какие новые смыслы мог подарить русскому народу Достоевский? Увы, этого мы никогда уже не узнаем.

Достоевский «хоронит» свою мечту – о чем может говорить эпилог романа. Но роман оставляет надежду. Он заканчивается мыслью о возможном и даже неизбежном возрождении, возвращении светлой идеи, пусть и через несколько десятилетий, пусть даже после её «смерти».

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». (Иоанна 12:24).

Источники

- [1] Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского том 13 Братья Карамазовы Том 1 СПб, 1904. С.117 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003975967?page=124>
- [2] Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского том 14 Братья Карамазовы Том 2 СПб, 1904. С.311 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003975966?page=318>
- [3] Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского том 13 Братья Карамазовы Том 1 СПб, 1904. С.151 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003975967?page=157>
- [4] Там же С.35
- [5] Там же С.321
- [6] Там же С.321
- [7] Там же С.322
- [8] Там же С. 30
- [9] Там же С.69
- [10] Там же С.72
- [11] Там же С.73
- [12] Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского том 14 Братья Карамазовы Том 2 СПб, 1904. С. 469 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003975966?page=476>
- [13] Там же С.470
- [14] Там же С.470–471
- [15] Там же С.471
- [16] Там же С. 471–472
- [17] Полное собрание сочинения Ф. М. Достоевского издание шестое, Том 12 Дневник писателя за 1877, 1880–81 гг СПб, 1906 С. 21–23 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003975968?page=25>

1.4. Владимир Соловьев – предвестник революции

Философ и писатель Владимир Соловьев (1853–1900 гг.) был современником Достоевского. Более того, они были дружны, вместе посещали Оптину пустынь. Соловьев, если можно так сказать, принял эстафету и продолжил дело поиска русской идеи. Впрочем, это была лишь одна из тем, интересовавших его.

В 1888 году он публикует во Франции статью «Русская идея» и, что примечательно, на французском языке.

Как и Достоевский, Владимир Соловьев идеалом будущего считает всемирное единение народов, первым шагом на пути к которому, по его мнению, должно стать единение христианских церквей.

Владимир Соловьев призвал отказаться от православия, от национальной самобытности. Посредством этого, якобы, русский народ послужит благу всего человечества.

Безусловно, Достоевский, будь он жив, не согласился бы с ним, поскольку считал католичество духовно мертвым и даже антихристианским.

Соловьеву принадлежат известные строки:

«Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности». [1]

Красивые слова, но не более того. Мы можем узнать, что думает нация о себе, но как узнать мысль Бога о ней? И хочет ли Бог, чтобы русский народ отбросил православие и принял католичество? Почему не наоборот? Философ не понимал, что он предлагает духовное самоубийство? Ведь русский народ более тысячелетия существует в духовном поле православного христианства, связывает с ним свое историческое предназначение, а католичество считает ересью. Разве предлагаемые перемены – не есть именно духовное самоубийство? Может ли народ, если бы мы представили на минуту, что это произойдет, принять предложенную философом мысль, исполнить её и при этом остаться собой, остаться русским?

Как писал русский публицист, социолог, идеолог панславизма Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885 гг.): отказаться от своего предназначения – значит превратиться в безжизненную массу, исторический хлам, лишенный смысла и значения.

Н.Я.Данилевский: «России, не исполнившей своего предназначения и тем самым потерявшей причину своего бытия, свою жизненную сущность, свою идею, – ничего не останется, как бесславно доживать свой жалкий век, перегнивать как исторический хлам, лишенный смысла и значения, или образовать безжизненную массу, так сказать, неодухотворенное тело, и в лучшем случае также распуститься в этнографический материал для новых неведомых исторических комбинаций, даже не оставив после себя живого следа». [2]

Но давайте постараемся понять Соловьева. Может быть, он в самом деле считал, что, отказавшись от православия, русский народ исполнит какую-то важную для человечества миссию?

Соловьев, так же как и другие мыслители XIX в., стремится отыскать тот самый «смысл существования России во всемирной истории», русскую идею, предназначение русского народа. Правда, в итоге предлагает очень странный рецепт и, по сути, экзистенциальное самоубийство: пожертвовать своей самобытностью, пожертвовать собой ради великой цели – единения человечества.

В то время как Достоевский, также считавший единение человечества высшей целью, говорил о необходимости сохранения самобытности каждого народа, поскольку сохраняемая уникальность каждого станет богатством всех.

Ф. М. Достоевский: «Ибо, раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития. Мы забыли в восторге от собственного унижения нашего непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного высокомерия о собственном мировом значении как нации никогда мы не можем быть великою нацией и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так „высокомерны“ в своем самомнении и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесли в него каждая хоть один луч света, что оставались сами гордо и неуклонно всегда и высокомерно самостоятельными». [3]

Владимир Соловьев настаивает на том, что без отказа от русской Церкви мы-де даже не должны называться христианами, поскольку русская православная Церковь – проявление национализма.

В. С. Соловьев: «Но истины боятся, потому что она кафолична, то есть вселенская. Во что бы то ни стало хотят иметь свою особую религию, русскую веру, императорскую Церковь. Она не является ценной сама по себе, за нее держатся как за атрибут и санкцию исключительного национализма. Но не желающие пожертвовать своим национальным эгоизмом вселенской истине не могут и не должны называться христианами». [4]

Ошибка философа

А ведь философ последователен в своих рассуждениях. Ведь если всеобщее единение является русской идеей, то предлагаемый философом шаг выглядит логичным. Действительно, разве народ не должен стремиться к реализации своего предназначения, к достижению того, что он считает идеальным и правильным?

Однако в случае реализации этого сценария появляется вероятность того, что Россия просто исчезнет или, как говорит Данилевский, превратится «в безжизненную массу, исторический хлам, лишенный смысла и значения». Ведь эта «операция» потребует редактирования русского «социокультурного кода».

И тут можно предположить, что либо:

- 1) всеобщее единение народов не является русской идеей;
- 2) либо Соловьев подсознательно находит небытие более привлекательным;
- 3) либо у философа были иные мотивы.

Могут предположить, что все предположения верны:

- Русская идея заключается в другом (тут мы забегаем немного вперед);
- Соловьев поддался всеобщему духу уныния, царившему в русском обществе, и, не находя выхода, предлагает заведомо самоубийственный путь;
- Возможно, и то, что автор попросту оригинальничает, рассчитывая на одобрение западного читателя.

Стокгольмский синдром

Вернемся к судьбоносным событиям 1877–1878 годов, рассмотренным нами ранее (в главе 1.2). Соловьев, как и многие патриоты, воодушевился началом освободительной войны. Он даже отправился на войну в качестве корреспондента, приобретя револьвер, которым, правда, ни разу не воспользовался.

О его патриотическом подъеме свидетельствует написанная в это время статья «Три силы», где он рассматривает мусульманский восток, западную цивилизацию и славянский мир. Из которых, по мысли философа, только славянство (русский народ как самый многочисленный его представитель) всё еще сохраняет жизненную силу. В 1877 году Соловьев пишет, что именно эта сила будет определять судьбы мира в будущем.

В. С. Соловьев (1877): «Между тем две первые силы совершили круг своего проявления и привели народы, им подвластные, к духовной смерти и разложению. Итак, повторяю, или это есть конец истории, или неизбежное обнаружение третьей всецелой силы, единственным носителем которой может быть только Славянство и народ русский». [5]

Охваченный ожиданием неясного выхода из духовного и идейного тупика, Соловьев писал о близости часа обнаружения Россией своего предназначения, «религиозного в высшем смысле этого слова».

В. С. Соловьев (1877): «Великое историческое призвание России, от которого только получают значение и её ближайшие задачи, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова... Когда наступит час обнаружения для России её исторического призвания, никто не может сказать, но всё показывает, что час этот близок». [6]

И вот в 1888 году, пережив ужас, позор и разочарование вместе со всем русским народом, Соловьев пишет совсем, кажется, противоположное:

В. С. Соловьев (1888): «Ну не освобождение же народов, которые только и ждут времени, чтобы сцепиться между собой, – великая цель России! И не нам владеть Вторым Римом!»

«Нашим национальным делом, если их (лжепатриотов) послушать, является ...добить издыхающую Оттоманскую империю... поместив на месте этих двух держав кучу маленьких независимых национальных королевств, которые только и ждут этого торжественного часа своего окончательного освобождения, чтобы броситься друг на друга <...> Но, скажут нам, не в этом дело: истинная цель нашей национальной политики – это Константинополь. По-видимому, греков уже перестали принимать в расчет, а ведь у них есть тоже своя „великая идея“ панэллинизма. Но самое важное было бы знать, с чем, во имя чего можем мы вступить в Константинополь? Что можем мы принести туда, кроме языческой идеи абсолютного государства, принципов цезарепапизма, заимствованных нами у греков и уже погубивших Византию? <...> Нет! Не этой России, какой мы ее видим теперь, России, изменившей лучшим своим воспоминаниям, урокам Владимира и Петра Великого, России, одержимой слепым национализмом и необузданным обскурантизмом, не ей овладеть когда-либо вторым Римом и положить конец роковому восточному вопросу». [7]

Как будто и не было у самого Соловьева того воодушевления, толкавшего его вместе с прочими русскими патриотами туда, в гущу событий, на Балканскую войну.

Это похоже на попытку оправдать полученное унижение некоей вселенской правдой, глобальной справедливостью. Складывается впечатление, что перед нами человек со стокгольмским синдромом: когда жертва оправдывает своего обидчика, а свое поражение объясняет необходимой жертвой для «общего дела».

Соловьев призывает пожертвовать «своим национальным эгоизмом» во благо вселенской истины – вселенской Церкви. Русское церковное учреждение называет «трупом». Впрочем, он был не единственным критиком Церкви, после реформы Петра I превращенной, по сути, в одно из государственных министерств.

Но как русскому народу стать частью вселенской Церкви? Для этого предлагается отречься от «нового идолослужения» – национализма:

В. С. Соловьев (1888): «Я говорю о новом идолослужении, об эпидемическом безумии национализма, толкающем народы на поклонение своему собственному образу вместо высшего и вселенского Божества». [8]

Но разве это справедливое обвинение? Разве русский народ замечен в поклонении своему образу? Такое «самолюбование» скорее подойдет немецкому национализму. Разве такой национализм когда-то существовал в русском народе? Разве народы, входившие в Российскую империю, не получали равные права?

Соловьев пишет о вине перед Польшей, которую якобы пытаются русифицировать и тем самым убивают польскую нацию, о тираническом разрушении греко-униатской церкви. И именно наши грехи, уверяет читателя Соловьев, привели Россию к наказанию Берлинским конгрессом 1878 года, который стал актом высшей справедливости! Виноваты не страны Запада, а сам русский народ!

В. С. Соловьев (1888): «Наш исторический грех отнял у последней нашей войны ее практические результаты, а вместе с ними ее моральную ценность; он преследовал на Балканах наших победоносных орлов и остановил их перед стенами Константинополя; отняв у нас уверенность и порыв народа, верного своей миссии, этот грех навязал нам вместо триумфа, купленного столькими героическими усилиями, унижение Берлинского конгресса и в заключение прогнал нас из Сербии и Болгарии, которым мы хотели оказать покровительство». [9]

То есть не царь остановил войска, исполняя свои обещания, данные им европейским правителям накануне войны (речь о тайном Рейхштадтском соглашении 1876 года). И не западные страны унизили Россию, отняв наши достижения, а мы сами навлекли на себя все беды: «Наш исторический грех отнял у последней войны практические результаты». Самобичевание и попытка оправдать обидчика! Проявление стокгольмского синдрома в чистом виде: мы сами во всем виноваты.

И снова о двух катастрофах:

В. С. Соловьев (1888): «Нам уже были даны два тяжелых урока, два строгих предостережения: в Севастополе, во-первых, и затем при еще более знаменательных обстоятельствах – в Берлине. Не следует ждать третьего предостережения, которое может быть и последним». [10]

Соловьев утверждает необходимость единой Вселенской Церкви во главе с первосвященником, и это не Православная Церковь. И именно она – эта наднациональная структура – должна осудить доктрину, «утверждающую, что нет ничего выше национальных интересов». То есть Соловьев осуждает не только «поклонение национальному», но даже и национальные интересы. По его мысли, возможны лишь «национальные различия», не более.

Философ призывает «объединиться в послушании», «подчиниться сначала вселенскому сыновству, признав моральный авторитет общего отца». [11] Иначе говоря, призывает подчиниться католическому первосвященнику. Соловьев говорит не об абстрактном будущем главе единой Церкви, а о римском епископе и обвиняет в «абсолютическом цезарепапизме» не Рим, а Восточную Церковь:

В. С. Соловьев (1888): «Не на Западе, а в Византии первородный грех националистического партикуляризма и абсолютического цезарепапизма впервые внес смерть в социальное тело Христа». [12]

Окончательная формула русской идеи по Соловьеву звучит так:

«Христианская Россия, подражая самому Христу, должна подчинить власть государства (царственную власть Сына) авторитету Вселенской Церкви (священству Отца) и отвести подобающее место общественной свободе (действию Духа)». [13]

Соловьев требует подчинить власть Российского государства авторитету Римской Церкви, дать место общественным свободам и отказаться от национальных интересов. И более того:

«Русская империя, отъединенная в своем абсолютизме, есть лишь угроза борьбы и бесконечных войн. Русская империя, пожелавшая служить Вселенской Церкви и делу общественной организации, взять их под свой покров, внесет в семейство народов мир и благословение». [13]

Российская империя в её настоящем виде, по мысли Соловьева, – это угроза миру и источник бесконечных войн. Следовательно, лучше бы Российской империи и русскому народу вообще не существовать, раствориться среди прочих государств и народов. Таково, повторюсь, мнение философа Владимира Соловьева, который, по моему ощущению, «сломался» и стал проповедовать «счастье небытия», видимо, находя это оригинальным или действительно поверив в то, что такая духовная смерть или жертва собой во благо человечества лучше нынешнего безыдейного и лишённого смысла существования. А в желании оправдать обидчиков России просматриваются черты психологического повреждения, известного как стокгольмский синдром.

Естественно, эта статья, такое видение русской идеи, была благосклонно встречена как западным читателем, так и некоторыми представителями русской творческой интеллигенции. Но не будем поспешно судить философа. Если перед нами слова человека, которому небытие милее нынешнего состояния, тогда это не предательство, это крик отчаяния!

Давайте еще раз прочтем фрагмент его статьи «Три силы» (1877 г.). Сколько здесь воодушевления, какой подъем и вера в реализацию великого предназначения России! Все это исчезает после 1878 года.

В. С. Соловьев (1877): «Когда наступит час обнаружения для России её исторического призвания, никто не может сказать, но все показывает, что час этот близок... Великие внешние события обыкновенно предшествуют великим пробуждениям общественного сознания. Так даже крымская война... сильно повлияла на сознание нашего общества. Отрицательному результату этой войны соответствовал и отрицательный характер пробужденного ею сознания. Должно надеяться, что готовящаяся великая борьба послужит могущественным толчком для пробуждения положительного сознания русского народа. А до тех пор мы, имеющие несчастье принадлежать к русской интеллигенции, которая вместо образа и подобия Божия все еще

продолжает носить образ и подобие обезьяны, – мы должны же наконец увидеть свое жалкое положение, должны постараться восстановить в себе русский народный характер... свободно и разумно уверовать в другую, высшую действительность. ... Отрицание низшего содержания есть тем самым утверждение высшего, и, изгоняя из своей души ложных божков и кумиров, мы тем самым вводим в неё истинное Божество». [14]

Через одиннадцать лет, в 1888 году, Соловьев в статье «Русская идея» говорит уже нечто иное и даже предполагает, что Россию может ждать атеистическое будущее.

В. С. Соловьев (1888): «А то, может быть, не обратиться ли нам еще и к нигилистам: ведь они, быть может, являют собой будущее России». [15]

Автор назвал Владимира Соловьева предвестником революции не случайно. Конечно, он не агитировал и не развивал социалистические идеи, наоборот, его относят к дореволюционным христианским мыслителям. Надвигалась революционная трансформация. И XIX век стал временем, когда у России имелась возможность идейного реформирования без радикального отказа от прежних идеологических схем, когда ещё можно было избежать революции. И поиск русской идеи в XIX веке – не случайность. Как мы увидим далее, к этому времени назрела острая необходимость обновления прежней идеологической формы. Позже мы разберем как саму эту идейную форму, так и причины, по которым она потеряла свою жизненную силу. Пока отметим, что нужно было новое слово, свежая мысль, нужно было обновление прежней идейной формы. И русские христианские мыслители, возможно, сами того не осознавая, занимались таким поиском. Появились интересные мысли, наработки обновленного идеологического пути, и все они так или иначе были связаны с решением «Восточного вопроса» – освобождением балканских славян и бывшей столицей Византийской империи Константинополем!

И несмотря на удачную военную кампанию, российская власть пошла на договоренности с Западом, и Россия получила позорный Берлинский конгресс, ставший унижением России. Катастрофа 1878 года развернула страну лицом к революции. После этого поиски новых идеологических форм фактически прекратились. Надвигавшейся революционной трансформации христианские мыслители так и не смогли ничего противопоставить.

Владимир Соловьев своим произведением, возможно, не осознавая того, расписался в бессилии сформулировать нечто новое, русское, православное. Предложенная им форма – это насмешка над русской идеей. Русскому народу предлагалось признать, что он сам виноват в произошедшем крахе и ему не стоит даже думать о какой-то своей уникальности, особом пути и новом слове, которое он мог бы дать миру.

Предательство? Желание понравиться западному читателю? Такая мысль может возникнуть. Но стоит прочитать, что писал философ до идейной катастрофы, и перед нами возникает совсем другая картина. Мы видим надломленного человека.

В заключение несколько штрихов к портрету философа, который не брезговал спиритизмом, а также занимался изучением каббалы. В своем стихотворении «Три свидания» философ описывает некое явление ему Софии – Премудрости Божией. Это, безусловно, может быть лишь художественным образом. Но вот какой интересный эпизод из его жизни описывает Арсений Гулыга в своей книге «Русская идея и ее творцы».

«Весной 1898 года Соловьев неожиданно отправляется в Египет. Его путь лежит через Константинополь. В море его начинают мучить галлюцинации. Войдя однажды в каюту, Соловьев увидел мохнатое чудовище. Дело было на Пасху, и Соловьев решительно заявил дьяволу: „А ты знаешь, что Христос воскрес?“ С криком: „Воскрес-то он воскрес, а тебя я все-таки

доконаю“, черт бросился на Соловьева. Его нашли без чувств на полу каюты. В Петербурге ему пришлось обратиться к психиатру». [16]

Безусловно, Владимир Соловьев является во многом выдающимся мыслителем. Им было написано немало философских произведений, соединявших традиционную религиозность и достижения западной философской школы. Последующие отечественные философы в той или иной степени опирались на работы В. Соловьева. А вот по поводу русской идеи философ не сказал ничего полезного для нашего исследования. Тогда, казалось бы, зачем разбирать его статью?

После Достоевского Соловьев первым из мыслителей пишет о русской идее. И его статья приобрела широкую известность. И хотя бы не упомянуть о ней было бы неправильно. Кроме того, на примере двух его работ можно увидеть трансформацию взглядов философа, произошедшую после идейной катастрофы 1878 года.

Источники

[1] Соловьев, Владимир Сергеевич Русская идея: [перевод доклада, прочитанного в 1888 г. в Париже на фр. яз.] / Владимир Соловьев; [пер. с фр. Г. А. Рачинского] Москва: Путь, 1911 С.3 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003369948?page=5>

[2] Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб, 1895 С.437 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003580715?page=477>

[3] Достоевский, Фёдор Михайлович (1821–1881). [Сочинения] Т. 29, кн. 1. Письма [1869–1873] Письмо цесаревичу Александру 10.02.1873 года по поводу романа «Бесы» С.260. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005431157?page=256>

[4] Соловьев, Владимир Сергеевич. Русская идея: [перевод доклада, прочитанного в 1888 г. в Париже на фр. яз.] / Владимир Соловьев; [пер. с фр. Г. А. Рачинского] – Москва: Путь, 1911, С.33 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003369948?page=35>

[5] Соловьев, Владимир Сергеевич Три силы: Публ. чтение Владимира Соловьева. – Москва: Унив. тип., 1877 С.14 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003590787?page=20>

[6] Там же С.15

[7] Соловьев, Владимир Сергеевич. Русская идея: [перевод доклада, прочитанного в 1888 г. в Париже на фр. яз.] / Владимир Соловьев; [пер. с фр. Г. А. Рачинского] – Москва: Путь, 1911 С 14–16 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003369948?page=17>

[8] Там же С.34

[9] Там же. С.36

[10] Там же С.37

[11] Там же С.43

[12] Там же С.48

[13] Там же С.50

[14] Соловьев, Владимир Сергеевич. Три силы: Публ. чтение Владимира Соловьева. – Москва: Унив. тип., 1877.С.15–16 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003590787?page=21>

[15] Соловьев, Владимир Сергеевич Русская идея: [перевод доклада, прочитанного в 1888 г. в Париже на фр. яз.] / Владимир Соловьев; [пер. с фр. Г. А. Рачинского] – Москва: Путь, 1911. С.7 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003369948?page=9>

[16] Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. С.165

1.5. Основоположник русского космизма

Из числа мыслителей XIX века, размышлявших о будущем человечества, особо выделяется Николай Федорович Федоров (1829–1903 гг.), которого по праву называют основоположником русского космизма.

Федорова прозвали московским Сократом, поскольку Николай Федорович не оставил после себя книг. Его труды собрали, сохранили и издали ученики. Мыслитель 25 лет работал библиотекарем в Румянцевском музее, а последние годы жизни – в читальном зале московского архива Министерства иностранных дел.

Николай Федорович был крайне аскетичен: не имел семьи, питался только чаем и хлебом, спал на сундуке, подкладывая под голову книги, круглый год носил одну одежду, пока она совершенно не приходила в негодность. По сути, он вел монашеский образ жизни, живя в миру.

Был знаком с Достоевским и Толстым. Последнего нередко критиковал за его взгляды. Н. Федоров и Л. Толстой познакомились в 1881 году. Мыслитель настолько поразил Толстого, что тот даже говорил: «Я горжусь, что живу в одно время с таким человеком». Однако в 1892 году, после того как Толстой опубликовал статью против русского правительства, Федоров, сочтя такое действие непатриотичным, не хотел больше подавать Толстому своей руки.

Ознакомившись с идеями мыслителя, Ф. М. Достоевский говорил, что «почел бы мысли Федорова за свои».

Федорова по праву именуют «самым дерзновенным утопистом всех времен и народов». [1] Лейтмотивом его философских изысканий, его центральной идеей стала мысль о необходимости победить смерть: достичь бессмертия и воскресить силою науки и человеческого знания всех ранее умерших людей. Он даже придумал особый термин – «патрофикация», буквально означающий «отцетворение», или воссоздание ранее умерших отцов.

Федоров предлагает не ждать всеобщего воскресения, о котором говорит христианство, а самим поставить такую цель и стремиться к ней, стремиться победить смерть. И этого, по его мнению, можно добиться лишь совместными усилиями всего человечества. Эту цель он назвал «Общим делом». И именно ради такой цели, максимально благородной, по мнению мыслителя, может и должно сплотиться человечество. Люди, считал он, должны понять, принять и согласиться участвовать в этом достойном, благородном «Общем деле», перестать тратить усилия на самоистребление, производство оружия, а вместо этого заняться наукой, подчинить себе природу и освоить космическое пространство – ведь воскресшие люди должны где-то разместиться.

Федоров полагал, что человеку под силу многое. Например, управление погодой, управление планетой Земля, как бы неким космическим кораблем, на котором человечество движется, не понимая принципа его работы.

Глубоко религиозный человек, Федоров стремился, тем не менее, включить в «Общее дело» и верующих, и неверующих, полагая, что наука может достичь таких высот, которые позволят победить и саму смерть.

По его мнению, люди являются инструментом реализации Божественного замысла. В человеке он видит творческий потенциал, равный Богу. Ведь сказал Христос: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин 14:12).

Человек, по его мнению, способен стать сверхчеловеком, бессмертным человеком, способен преобразить мир, укротить слепую силу природы, «обратить ее в орудие разума». В то время как современная цивилизация идет обратным путем.

Н. Ф. Федоров: «Целью истинного прогресса может и должно быть только участие всех в деле, или в труде, познания слепой силы, носящей в себе голод, язвы и смерть, для обращения ее в живородящую. Вместо того, вместо обращения слепой силы природы в управляемую разумом, прогресс самую душу обращает в слепую силу». [2]

Предложив целью прогресса и «общего дела» победу над смертью и воскрешение всех ранее умерших, Федоров, естественно, размышляет и о том, где все эти люди разместятся. Ответ на этот вопрос дается в таком же, я бы сказал, федоровском духе: нужно осваивать космос!

Н. Ф. Федоров: «Вопрос об участии земли приводит нас к убеждению, что человеческая деятельность не должна ограничиваться пределами земной планеты». [3]

Землю он сравнивает с космическим кораблем, который нами пока не изучен. Человек должен научиться управлять ходом этого космического корабля.

Н. Ф. Федоров: «Человечество должно быть не праздным пассажиром, а прислугой, экипажем нашего земного, неизвестно еще какою силою приводимого в движение корабля, – есть ли он фото-, термо- или электроход. Да мы и знать не будем, какою силою движется наша земля, пока не будем управлять ее ходом». [4]

Мысль его выводит человечество за пределы земного шара.

Н. Ф. Федоров: «Вопрос об эпидемиях, как и о голоде, выводит нас за пределы земного шара; труд человеческий не должен ограничиваться пределами земли, тем более что таких пределов, границ и не существует; Земля, можно сказать, открыта со всех сторон, средства же перемещения и способы жизни в различных средах не только могут, но и должны изменяться». [5]

Н. Ф. Федоров: «Для сынов же человеческих небесные миры – это будущие обитатели отцов, ибо небесные пространства могут быть доступны только для воскрешенных и воскрешающих; исследование небесных пространств есть приготовление этих обителей». [6]

На дворе XIX век, первый аэроплан с двигателем поднимется в воздух только в 1904 году. В небо поднимаются планеры и аэростаты. А Николай Федорович пишет о необходимости выхода за пределы земли и заселения космического пространства!

Размышления Николая Федорова положили начало самобытному направлению научно-философской мысли, названному «русским космизмом».

Мыслитель видит будущее человечество объединенным, братским, единым организмом при сохранении многообразия. Идеалом такого объединения Федоров называет образ Троицы – единство при сохранении индивидуальностей.

Н. Ф. Федоров: «Так называемая интеллигенция должна... сделаться миссионерами нового объединения не по типу организма, а по образу Троицыного Бога. Объединение по типу организма обезглавливает большинство людей и обращает их в механические орудия, тогда как истинное единство, или родство по мысли и чувству, не может допустить такого <...> изуродования <...> Истинное единство по образу Троицы есть теснейший союз личностей, в коем выражено то начало, которое мы называем нравственностью; объединение же по типу организма построено прямо на отрицании нравственного начала, потому-то оно и может держаться

только насилием, принуждением. Общество по образу Троицы не нуждается во внешнем принуждении, в насилии, которое удерживало бы людей в обществе, и тем не менее это глубочайший союз личностей; держится он психической, душевной силой, взаимознанием; следовательно, в таком обществе знание... необходимо принадлежит всем». [7]

И еще философ уверен, что истинное братство невозможно без воскрешения всех умерших, поскольку без этого можно говорить лишь об отсутствии неприязни, но не братстве. И в этом вопросе он не готов согласиться с социалистическими идеями, находившими живой отклик в среде творческой интеллигенции.

Смелые и дерзновенные мечты Федорова доходят до мыслимых пределов возможного. Он выдвигает цели, охватывающие всю Вселенную и все времена, поскольку в понимании философа воскресить необходимо всех ранее живших людей. И в этом Н. Федоров расходился с В. Соловьевым, считавшим, что воскрешены должны быть не все, но лишь достойные. Федоров же настаивал на необходимости всеобщего воскрешения.

Философ декларирует безграничную веру в возможности человека, но не противопоставляет человека Богу, как может показаться. Федоров говорит, что идея победы над смертью – есть исполнение Божией воли, о которой нам сообщено в Писании.

Единение человечества, идеал которого дан Богом («вы во Мне, Я в вас, как Я в Отце»), и всеобщее воскрешение – это предназначение, которое человек должен исполнить, перейдя от своего вечного несовершеннолетия в зрелый возраст.

Федоров верит в Бога и верит в человека. Апокалипсис для него и его последователей – русских космистов – не предопределенное событие, а предостережение.

Федоровский позитивный взгляд на человека и вера в развитие человечества звучат в трудах других русских мыслителей, причисляемых к условной когорте русских космистов: теоретика космонавтики К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, В. Ф. Одоевского, А. В. Сухова-Кобылина и др.

Мы видим, что в целом идеи Федорова перекликаются с видением будущего других русских мыслителей, говоривших о необходимости единения человечества. Однако в отличие от Достоевского Федоров не ищет национальную идею, он говорит о будущем всего человечества. Более того, он не выделяет в своих трудах русский народ как-то особо. Он говорит о некоем идеальном будущем вообще и «Общем деле» для всех людей Земли. Поэтому не думаю, что мы вправе назвать этот взгляд, эту философскую концепцию русской идеей. Это самобытная, уникальная и дерзновенная мысль русского философа, но всё-таки не русская идея.

И мы подходим к еще одному важному вопросу, с которого, наверное, нужно было начинать: искомая русская идея – это цель, замысел Бога о нации, предназначение, характер народа, смысл его бытия или что-то иное? Многие русские мыслители XIX–XX веков писали о том, что конечной целью развития, прогресса, исторического процесса является единение человечества. Но это именно цель, некий идеал, к которому следует стремиться. И Федоров размышляет не над русской идеей, но формулирует именно общечеловеческую цель. Поэтому можно сказать, что единение человечества не является русской идеей, хотя сама мысль многим русским мыслителям близка. Впрочем, не только им.

Николай Федоров очень интересный и самобытный философ, стремившийся к объединению верующих и светских людей, которые, по его мнению, могут объединиться для решения величайшей задачи, «Общего дела», воскрешения всех ранее умерших. Он не противопоставляет христианское учение и науку. Считает христианство маяком, целеуказателем, а науку и знание – инструментом, который позволит добиться поставленных целей, какими бы фантастическими они ни казались.

Источники

- [1] Гулыга А. В. «Русская идея и ее творцы» Эксмо, 2003 С.171
- [2] Федоров, Николай Федорович Философия общего дела: Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изд. под ред. В. А. Кожевникова Н. П. Петерсона. Верный: тип. Семиречен. обл. правл., 1906 С.26 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003983886?page=21>
- [3] Там же С.283–284
- [4] Там же С.284
- [5] Там же С.277
- [6] Там же С.283
- [7] Там же С.260–261

1.6. Василий Васильевич Розанов

Русский религиозный философ, литературный критик, публицист и писатель Василий Васильевич Розанов (1856–1919 гг.) в 1911 году пишет статью «Возле „Русской идеи“».

Нужно сказать, что Василий Васильевич очень интересный человек, верующий, многогранный самобытный мыслитель. Он много размышляет, переживает о судьбе России, о русском народе.

В. В. Розанов: «Кроме русских, единственно и исключительно русских, мне вообще никто не нужен, не мил и не интересен». [1]

Обратимся к его статье «Возле „Русской идеи“», которая была впервые опубликована в 1911 году в журнале «Русское слово» № 165.

Вообще, нужно сказать, что у Розанова своеобразный стиль. Он как будто записывает в блокнот отдельные фразы, мысли, заметки. В статье, как это ни парадоксально, нет определения русской идеи, не сказано, чем она является. Это размышление над серией статей некоего Т. Ардова о настоящем и будущем России.

Розанов начинает свою статью с эпизода из романа Достоевского «Подросток», говорящего о некоем молодом человеке, осознавшем вдруг, что русский народ является народом второстепенным и не может играть в жизни человечества всемирной роли. Этот юноша – Крафт, немец по происхождению – настолько полюбил свою вторую родину, что одна мысль о таком положении вещей невыносима ему и доводит его до самоубийства.

«Он (т. е. Крафт) вследствие весьма обыкновенного факта пришел к весьма необыкновенному заключению, которым всех удивил. Он вывел, что русский народ есть народ второстепенный, которому предназначено послужить материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества. Ввиду этого, может быть, и справедливого своего вывода, г-н Крафт пришел к заключению, что всякая дальнейшая деятельность всякого русского человека должна быть этой идеей парализована, так сказать, у всех должны опуститься руки». [2]

И с этой мыслью он не смог жить! Василий Розанов говорит, что мысль эта принадлежит самому Достоевскому, который, мол, хоть и стоял за величие России, но уголком сознания держался за эту мысль.

В. В. Розанов: «Можно с ума сойти... Может быть, бред есть всё, что мы думаем о великом призвании России... И тогда – удар в висок свинцового куска... И вечная Ночь... Ибо для меня вечная Ночь переносимее, нежели мысль, что из России ничего не выйдет... А кажется – ничего не выйдет.

<...>

– Нет, лучше пулю в висок... Лучше мозги пусть по стенам разбрызгаются, чем эта смердяковщина.

<...>

Таким образом, около «идеи Крафта» можно сказать, «танцует весь Достоевский» [3].

Большая часть статьи Розанова – это внутренний диалог с Т. Ардовым, спор с ним. И оба мыслителя, в свою очередь, разбирают немецкое представление, немецкий взгляд, полагавший славянство женственным началом, в то время как германство, де, представляет из себя начало

мужское, захватническое. И мыслители пытаются выкрутить, так сказать, в обратную сторону мысль Вильгельма II и Отто фон Бисмарка о славянах, якобы, должных исчезнуть или послужить материалом для германской нации.

Я не буду вслед за ними разбирать эту немецкую (а по сути, западную), надменную и ошибочную теорию. Её опроверг XX век, когда великий русский «Дух-освободитель» одержал победу над немецким (читай: европейским) «Духом-поработителем».

Для нашего исследования важен именно этот эпизод, положенный в начало статьи, за который «зацепились» оба писателя.

В. В. Розанов: «Меня в свое время это место из „Подростка“ так же поразило, как и г-на Ардова. И тоже, окончив роман, я возвращался к этим 2–3 страничкам в начале его» [3].

Розанов посчитал, что это главный нерв, центральный мотив всего творчества Достоевского, а именно: потребность быть нужным миру и существовать не на второстепенных ролях, не стать материалом для других наций, но иметь некую самостоятельную роль в судьбе человечества!

Чем эта мысль так привлекает обоих мыслителей? Какую струну задел Федор Михайлович? Прочтем полную цитату из романа, где повествуется о Крафте и его терзаниях.

Крафт

Ф. М. Достоевский: «Видите ли, вот господин Крафт, довольно уже нам всем известный и характером, и солидностью убеждений. Он вследствие весьма обыкновенного факта пришел к весьма необыкновенному заключению, которым всех удивил. Он вывел, что русский народ есть народ второстепенный...

– Третьестепенный, – крикнул кто-то.

– ...второстепенный, которому предназначено послужить лишь материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества. Ввиду этого, может быть, и справедливого, своего вывода господин Крафт пришел к заключению, что всякая дальнейшая деятельность всякого русского человека должна быть этой идеей парализована, так сказать, у всех должны опуститься руки и...

Про Россию я Крафту поверю и даже скажу, что, пожалуй, и рад; если б эта идея была всеми усвоена, то развязала бы руки и освободила многих от патриотического предрассудка...

– Я не из патриотизма, – сказал Крафт как бы с какой-то натугой

<...>

– Но чем, скажите, вывод Крафта мог бы ослабить стремление к общечеловеческому делу? – кричал учитель... – Пусть Россия осуждена на второстепенность; но можно работать и не для одной России. И, кроме того, как же Крафт может быть патриотом, если он уже перестал в Россию верить?

– К тому же немец, – послышался опять голос.

– Я – русский, – сказал Крафт.

– Это вопрос, не относящийся прямо к делу, – заметил Дергачев перебившему.

– Выйдите из узкости вашей идеи, – не слушал ничего Тихомиров. – Если Россия – только материал для более благородных племен, то почему же ей и не послужить таким материалом? Это роль довольно еще благовидная. Почему не успокоиться на этой идее ввиду расширения задачи? Человечество накануне своего перерождения, которое уже началось. Предстоящую задачу отрицают только слепые. Оставьте Россию, если вы в ней разуверились, и работайте для будущего – для будущего еще неизвестного народа, но который составит из всего человечества без разбора племен. И без того Россия умерла бы когда-нибудь; народы, даже самые

даровитые, живут всего по полторы, много по две тысячи лет; не всё ли тут равно: две тысячи или двести лет? Римляне не прожили и полутора тысяч лет в живом виде и обратились тоже в материал. Их давно нет, но они оставили идею, и она вошла элементом дальнейшего в судьбы человечества. Как же можно сказать человеку, что нечего делать? Я представить не могу положения, чтоб когда-нибудь было нечего делать! Делайте для человечества и об остальном не заботьтесь. Дела так много, что неостанет жизни, если внимательно оглянуться. Надо жить по закону природы и правды, – проговорила из-за двери госпожа Дергачева. Крафт слушал, слегка улыбаясь, и произнес наконец, как бы с несколько измученным видом, впрочем, с сильной искренностью: «Я не понимаю, как можно, будучи под влиянием какой-нибудь господствующей мысли, которой подчиняются ваш ум и сердце вполне, жить еще чем-нибудь, что вне этой мысли?» – «Но если вам доказано логически, математически, что ваш вывод ошибочен, что вся мысль ошибочна, что вы не имеете ни малейшего права исключать себя из всеобщей полезной деятельности из-за того только, что Россия – предназначенная второстепенность; если вам указано, что вместо узкого горизонта вам открывается бесконечность, что вместо узкой идеи патриотизма...» – «Э!» – тихо махнул рукой Крафт. – «Я ведь сказал вам, что тут не патриотизм». [4]

Безусловно, это мысли Достоевского. И он размышляет, приводит аргументы в пользу того, что, может быть, нет ничего плохого и ужасного в том, чтобы быть на второстепенных ролях в истории. Можно ведь просто работать для блага человечества – «общечеловеческого дела» (это похоже на отсылку к работам Н. Федорова и его «Общему делу»). И аргументы вполне убедительны, не так ли? И даже, кажется, можно просто жить «по закону природы и правды», довольствуясь тихими радостями, не нарушая моральных, нравственных и божественных законов. И не это ли сегодня часто предлагается нам? Просто живи и радуйся!

Да, все предлагаемые аргументы очень убедительны. Но почему-то Розанов и его незримый оппонент Ардов «зацепились» за Крафта, которому мысль о том, что русский народ должен остаться на второстепенных (третьестепенных) ролях в истории и не иметь самостоятельной роли в истории человечества, но послужить лишь материалом для других народов, невыносима. И не только невыносима, она смертельно, убийственно невыносима.

Почему Розанова не убеждают такие хорошие аргументы? А они его не убеждают, потому что он сам говорит и мыслит как Крафт!

В. В. Розанов: «Может быть, бред есть всё, что мы думаем о великом призвании России... И тогда – удар в висок свинцового куска... И вечная Ночь... Ибо для меня вечная Ночь переносимее, нежели мысль, что из России ничего не выйдет...» [3]

И тут же добавил: «А кажется – ничего не выйдет».

Вот это последнее слово Розанова показательно. Этот его пессимизм с предельной отчетливостью показывает, что христианские поиски новой формы для русской идеи, поиски, которыми сами того не осознавая, занимались мыслители XIX века, завершились ничем. Образно говоря: они не смогли оживить (обновить) остывшую, лишившуюся миссианского огня русскую христианскую идеологическую модель, которая без этого «топлива» не работает.

Розанов прав в том, что русским нужно верить в великое призвание России, нужно понимать, что есть общечеловеческое значение русского бытия, есть цель, возложенная на нас Богом... И без этой веры жизнь «по закону природы», пусть даже с участием в общечеловеческом деле, рискует превратиться в смердяковщину, из которой выход один: «кусочек свинца и вечная Ночь»!

«Лучше мозги пусть по стенам разбрызгаются, чем эта смердяковщина», – восклицает Розанов. [3]

О какой смердяковщине он говорит? Что имеется в виду? Это отсылка к словам Смердякова из «Братьев Карамазовых»: «Придут французы и покорят Россию, открою в Париже парикмахерскую!» Или более поздний вариант: «Победили бы немцы, пили бы сейчас баварское».

В. В. Розанов: «Замечательно, что та мысль, от которой благородный Крафт застрелился (Достоевский несколько раз называет его «благородным»), эта же самая мысль внушает Смердякову его знаменитые «романы». В человеке «с гитарой» описывается, как этот лакей хохлится со своею невестою и то «развивает ее», то очаровывает пением. «Россия-с, Марья Ивановна, одно невежество. Россию завоевать нужно. Придут французы и покорят ее, а тогда я в Париже открою парикмахерскую».

Это та же «мысль Крафта», переданная «подлецу-приживальщику», бесу «в смокинге», который страшнее всех демонов в плаще и сиянии. Единственный подлинный дьявол, о, какой подлинный!

«Мое подлое я, но трансцендентное».

– «Дьявол с Богом борется, а поле борьбы – сердца людей». [3]

Достоевский перестал писать о русской идее после 1878 года, Владимир Соловьев написал такое, что впору показывать психиатрам (см. главу 1.4), и пророчески предположил, что Россию может ждать атеистическое будущее. А Розанов этим высказыванием («а кажется – ничего не выйдет») честно признался, что не верит в великое призвание России. Жаждет его, ибо невыносимо думать иначе, но не верит!

Ошибся Розанов. Ибо еще не была перевернута последняя страница русской истории.

Источники

[1] В. В. Розанов Собрание сочинений. Листва. под общей ред. А. Н. Николюкина. М. Республика, СПб Росток, 2010 «Опавшие листья» С.166

[2] Достоевский, Федор Михайлович Подросток: Роман в 3 ч. Ф. М. Достоевского. – 3-е изд. – Санкт-Петербург: тип. бр. Пантелеевых, 1882 С.51 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003612969?page=57>

[3] Вокруг Русской идеи. В. В.Розанов 1911 Впервые опубликовано: «Русское слово». 1911. 19 июля. No 165.

[4] Достоевский, Федор Михайлович Подросток: Роман в 3 ч. Ф. М. Достоевского. – 3-е изд. – Санкт-Петербург: тип. бр. Пантелеевых, 1882 С.51–52 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003612969?page=57>

1.7. Безвременье

Современные исследователи, разбирая тексты русских мыслителей XIX века, как будто игнорируют политический и исторический фон, в котором эти тексты создавались. Почему-то события 1877–1878 годов остаются как бы вне исследования. Как будто события, происходившие на Балканах, и послевоенные события не важны. Конечно, можно сказать, что любые события оказывают какое-то влияние на мыслителей своего времени, но тут особый случай. Перед началом Балканской войны происходит всплеск патриотизма, охвативший, без преувеличения, всё российское общество. Достоевский много пишет про этот общенародный подъем в «Дневнике писателя»:

Июль – август 1876. «Поднялась, во-первых, народная идея и сказалось народное чувство: чувство бескорыстной любви к несчастным и угнетенным братьям своим, а идея – «Православное дело». И действительно, уже в этом одном сказалось нечто как бы и неожиданное... Во-вторых, неожиданным было то, что с народной идеей, с «Православным делом» – соединились вдруг почти все оттенки мнений самой высшей интеллигенции русского общества – вот тех самых людей, которых считали мы уже совсем оторвавшимися от народа. Заметьте при этом необычайное у нас одушевление и единодушие почти всей нашей печати <...> Старушка Божия подает свою копеечку на славян и прибавляет: «На Православное дело». Журналист подхватывает это словцо и передает его в газете с благоговением истинным, и вы видите, что он сам всем сердцем своим за то же самое «Православное дело»: вы это чувствуете, читая статью. Даже, может быть, и ничему не верующие поняли теперь у нас наконец, что значит в сущности для русского народа его православие и «Православное дело»? [1]

«Либералы, отрицатели, скептики, равно как и проповедники социальных идей, – все вдруг оказываются горячими русскими патриотами, по крайней мере в большинстве... Русских, истинных русских, оказалось у нас вдруг несравненно более, чем полагали до сих пор многие, тоже истинные русские. Что же соединило этих людей воедино или, вернее, что указало им, что они во всем главном и существенном и прежде не разъединялись? Но в том-то и дело, что славянская идея в высшем смысле ее перестала быть лишь славянофильскою, а перешла вдруг вследствие напора обстоятельств в самое сердце русского общества, высказалась отчетливо в общем сознании, а в живом чувстве совпала с движением народным. Но что же такое эта «Славянская идея в высшем смысле ее»? Всем стало ясно, что это такое: это прежде всего, то есть прежде всяких толкований исторических, политических и проч., есть жертва, потребность жертвы даже собою за братьев и чувство добровольного долга сильнейшему из славянских племен заступиться за слабого, с тем чтобы, уравнив его с собою в свободе и политической независимости, тем самым основать впредь великое всеславянское единение во имя Христовой истины, то есть на пользу, любовь и службу всему человечеству, на защиту всех слабых и угнетенных в мире. И это вовсе не теория, напротив, в самом теперешнем движении русском, братском и бескорыстном, до сознательной готовности пожертвовать даже самыми важнейшими своими интересами, даже хотя бы миром с Европой, – это обозначилось уже как факт, а в дальнейшем всеединение славян разве может произойти с иною целью, как на защиту слабых и на служение человечеству?» [2]

Июль – август 1876. «Вот это-то и поняла высшая интеллигенция наша и всем сердцем своим примкнула к желанию народа, а примкнув, вдруг всецело ощутила себя в единении с ним. Движение, охватившее всех, было великодушное и гуманное. Всякая высшая и единящая мысль и всякое верное единящее всех чувство есть величайшее счастье в жизни наций. Это

счастье посетило нас... Одним словом, это всеобщее и согласное русское движение свидетельствует уже и о зрелости национальной в некоторой значительной даже степени и не может не вызывать к себе уважения». [3]

Февраль 1877. «Да, думает, и воля ваша, как ни отрицали мы изо всех сил всю зиму наше летнее движение, но, по-моему, оно продолжалось и во всю зиму точно так же, как и летом, по всей России неуклонно и верно, но уже спокойно и с надеждой на решение царя. И уж конечно продолжаться будет до самого конца...». [4]

«Но чтоб сказать прощальное слово об этой сербской войне, в которой мы, русские, чуть не все до единого так участвовали нашим сердцем», [5]

Март 1877. «Движение, охватившее народ русский прошлым летом, доказало, что народ не забыл ничего из своих древних надежд и верований, и даже удивило огромную часть нашей интеллигенции до того, что та прямо не поверила этому движению, отнеслась к нему скептически и насмешливо, стала всех уверять, и себя прежде всех, что движение это выдуманно и подделано неблаговидными людьми, желавшими выдвинуться вперед на красивое место. В самом деле, кто бы мог в наше время, в нашей интеллигенции, кроме небольшой отделившейся от общего хора части ее, допустить, что народ наш в состоянии сознательно понимать свое политическое, социальное и нравственное назначение? Как можно было им допустить, чтоб эта грубая черная масса, недавно еще крепостная, а теперь опившаяся водкой, знала бы и была уверена, что назначение ее – служение Христу, а царя ее – хранение Христовой веры и освобождение православия»? [6]

Апрель 1877. «Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь „братьев-славян“, измученных турками, поднимаемся мы, а и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим, и в котором мы задохлись, сидя в немощи рабства и в духовной тесноте». [7]

И вот царь объявил о начале освободительной войны.

Апрель 1877. «Когда раздалось царское слово, народ хлынул в церкви, и это по всей земле русской. Когда читали царский манифест, народ крестился, и все поздравляли друг друга с войной. Мы это сами видели своими глазами, слышали, и всё это даже здесь, в Петербурге. И опять начались те же дела, те же факты, как и в прошлом году: крестьяне в волостях жертвуют по силе своей деньги, подводы, и вдруг эти тысячи людей, как один человек, восклицают: „Да что жертвы, что подводы, мы все пойдем воевать!“ Здесь, в Петербурге, являются жертвователи на раненых и больных воинов, дают суммы по нескольку тысяч, а записываются неизвестными. Таких фактов множество, будут десятки тысяч подобных фактов, и никого ими не удивишь. Они означают лишь, что весь народ поднялся за истину, за святое дело, что весь народ поднялся на войну и идет». [8]

Достоевский, как, впрочем, и многие мыслители, самых ярких представителей, из среды которых мы рассмотрели ранее, полагал, что Россия освободит балканских славян, будет решен Восточный вопрос и это положит начало братскому объединению славянских племен. И история русского государства двинется в другом направлении, получит новый импульс. Многие тогда полагали, что для этой цели России непременно нужно овладеть Константинополем, который вновь станет христианским центром, каким и была столица Византии много веков назад. Не ради имперской экспансии, а ради восстановления попорченной много веков назад

справедливости, ведь именно из Византии, из Константинова града, пришла на Русь православная вера. Говорили о скором возвращении креста на храм Святой Софии, что стало символом, понятной всем идеей, ожидаемой и желанной. Поверьте, что вопрос был намного более серьезный, нежели просто желание территориальных приобретений, в чем нас извечно подзвевала Европа.

И все ожидания, связанные с освободительной войной, разбились у стен Константинополя, который русским войскам запретили брать. Александр II остановил русские войска, исполнив свои тайные договоренности с европейскими лидерами (имеется в виду так называемое секретное Рейхштадтское соглашение 1876 года). И это выглядело как предательство.

Но это еще не всё. В Сан-Стефано подписан мирный договор с Османской империей, но это не устраивает европейских лидеров, и они настаивают на пересмотре итогов нашей войны! И власть снова идет на это! В итоге состоялся позорный Берлинский конгресс 1878 года, ставший русским унижением, названный позже катастрофой.

Кто создал эту катастрофу? Русский солдат? Нет. Это сделала недалёковидная, потерявшая связь с народом, ищущая одобрения у западных элит, власть. И ответственность целиком и полностью лежит на Александре II, царе-освободителе, продавшем Аляску, который своей недалёковидностью, своим соглашательством и потаканием интересам западных лидеров позволил обнулить результаты Балканской войны, позволил состояться унижению России.

Так была остановлена начавшаяся с благородного порыва – добыть свободу, защитить братские славянские народы – «русская весна» XIX века.

Могла ли Россия миновать революционную трансформацию? Думаю, что у нас был такой шанс. Но он был упущен.

После катастрофы 1878 года Достоевский перестал писать о русской идее, как и о решении Восточного вопроса. Владимир Соловьев призывает едва ли не к духовному самоубийству, отказу от национальных интересов и называет это русской идеей. Розанов бросает убийственное: «Для меня вечная ночь переносимее, нежели мысль, что из России ничего не выйдет. А кажется – ничего не выйдет». Конечно, не они одни думали так. Приведены именно эти мыслители, поскольку в XIX веке они писали о русской идее, а мы разбираемся в идейных исканиях христианских мыслителей, посвященных поиску и формулированию Идеи. Потому так важно видеть и понимать, что было сказано, что было найдено или же, что, возможно, было утрачено.

После катастрофы 1878 года мы видим крах ожиданий, крушение надежд. Николай Федоров размышляет на тему общечеловеческого дела, поэтому его можно «вынести за скобки».

Христианские религиозные мыслители перестали искать возможность обновления остывшей идеологической формы (как писал Достоевский: «Война освежит воздух, которым мы дышим, и в котором мы задыхались, сидя в немощи растреления и в духовной тесноте»).

После позорной сдачи национальных интересов в России усилились революционные настроения. В 1881 году Александр II погибнет от рук революционеров-народовольцев. И совсем скоро Российская империя всколыхнется, обрушится и восстанет новым государством, поразив весь мир.

А пока... Россия застыла в каком-то странном состоянии. Вектор движения потерян. Ощущается идейная опустошенность, выраженная Розановым в одной фразе: «А кажется – (из России) ничего не выйдет». Достоевский говорит о «немощи растреления и духовной тесноте». В книгах пишут, что Россия потеряла идею Петра I и Екатерины II. А Достоевский писал, что отказ от решения Восточного вопроса способен «вдребезги разбить Россию».

Ф. М. Достоевский: «Восточный вопрос есть исконная идея Московского царства, которую Петр Великий признал в высшей степени и, оставляя Москву, перенес с собой в Петербург. Петр в высшей степени понимал ее органическую связь с русским государством и с русской душой. Вот почему идея не только не умерла в Петербурге, но прямо признана была как бы

русским назначением всеми преемниками Петра. Вот почему ее нельзя оставить и нельзя ей изменить. Оставить славянскую идею и отбросить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства – значит всё равно что сломать и вдребезги разбить всю Россию». [10]

Это состояние ощущают многие: кто-то отчетливее, кто-то как смутную тревогу. Александр Блок в 1906 году пишет статью «Безвременье», где изображает ужасную паучиху, окутавшую всё своей паутиной. Вчитаемся в его строки.

А. Блок: «Но и Достоевский уже предчувствовал иное: затыкая уши, торопясь закрыться руками в ужасе от того, что можно услышать и увидеть, он все-таки слышал быструю крадущуюся поступь и видел липкое и отвратительное серое животное. Отсюда – его вечная торопливость, его надрывы, его «Золотой век в кармане». Нам уже не хочется этого Золотого века, – слишком он смахивает на сильную лекарственную дозу, которой доктор хочет предупредить страшный исход болезни. Но и лекарственная трава Золотого века не помогла, большое серое животное уже вползало в дверь, нюхало, осматривалось, и не успел доктор оглянуться, как оно уже стало заигрывать со всеми членами семьи, дружить с ними и заражать их. Скоро оно разлеглось у очага, как дома, заполнило интеллигентные квартиры, дома, улицы, города. Все окуталось смрадной паутиной; и тогда стало ясно, как из добрых и чистых нравов русской семьи выросла необъятная серая паучиха скуки...»

Паучиха, разрастаясь, принимала небывалые размеры... Люди стали жить странной, совсем чуждой человечеству жизнью. Прежде думали, что жизнь должна быть свободной, красивой, религиозной, творческой. Природа, искусство, литература – были на первом плане. Теперь развилась порода людей, совершенно перевернувших эти понятия и тем не менее считающихся здоровыми. Они стали суетливы и бледнолицы. У них умерли страсти, – и природа стала чужда и непонятна для них. Они стали посвящать все свое время государственной службе – и перестали понимать искусства. Музы стали невыносимы для них. Они утратили понемногу, идя путями томления, сначала Бога, потом мир, наконец – самих себя». [11]

Нельзя согласиться с тем, что Достоевский стремился «закрыться руками» от наступающего будущего. Тут иное: произошло не перерождение человека, а потеря смысла, угасание миссианского огня, потеря цели. Возникла идейная пустота, которую русские христианские философы не смогли наполнить новым содержанием.

Что-то было угадано. Были высказаны интересные мысли. Но они так и остались мыслями, не повлиявшими на жизнь русского народа. Истративший свое миссианское топливо русский исторический проект, по образному выражению Блока, покрывался паутиной. И Блок восклицает в конце своего повествования: «Кто же будет рвать паутину?»

А. Блок: «А что, если вся тишина земная и российская, вся бесцельная свобода и радость наша – соткана из паутины? Если жирная паучиха ткёт и ткёт паутину нашего счастья, нашей жизни, нашей действительности, – кто будет рвать паутину?»

Самый страшный демон нашептывает нам теперь самые сладкие речи: пусть вечно смотрит сквозь болотный туман прекрасный фиолетовый взор Невесты – Ночной Фиалки. Пусть беззвучно протекает счастье всадника, кружащего на усталом коне по болоту, под большой зеленой звездой. Да не будет так». [12]

Оказавшись в состоянии «безвременья», в идейном вакууме, потеряв цели, утратив идею Петра, или, как выразился Федор Достоевский, в «немощи растления и духовной тесноте», как бы в некой паутине, Российская империя начала постепенно дрейфовать в сторону революции.

В дальнейшем мы еще обратимся к творчеству Александра Блока. Но прежде предлагаю совершить небольшой экскурс в историю, назад – к истокам.

Ведь что такое русская идея? Если это цель, чья цель: интеллектуальной элиты или русского народа? Если это цель русского народа, то она должна быть простой и понятной любому крестьянину, любой бабе на базаре. Разве нет?

И если это некая движущая сила, придающая импульс движению русской истории, то может ли быть, чтобы её не существовало прежде XIX века?

Многokrатно цитировавшийся нами ранее Ф. М. Достоевский указывает на глубинные корни русской идеи, которые, по его мнению, восходят к Петру I и даже ранее – к Московскому царству. [13] Поэтому мы с вами взглянем в историю, чтобы попытаться увидеть русскую идею там: ее возникновение, становление и понять причины идейного угасания, произошедшего к концу XIX века. То есть попытаемся сделать то, что не удалось нашим выдающимся мыслителям XIX века.

Источники

[1] Дневник писателя за 1876 год Ф. М. Достоевского, СПб, 1879 С.215 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003591983?page=225>

[2] Там же С.216

[3] Там же С.217

[4] Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского издание шестое Том 12 Дневник Писателя за 1877,1880–81 гг СПб 1906 С.38 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003975968?page=41>

[5] Там же С.45

[6] Там же С.75

[7] Там же С.106

[8] Там же С.105

[9] «Восточный вопрос. Политико-этнографический очерк», СПб 1898 года, типография В. Д. Смирнова». С.8–9 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003682104?page=10>

[10] Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского издание шестое Том 12 Дневник Писателя за 1877,1880–81 гг СПб 1906 С. 291 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003975968?page=294>

[11] А. Блок Собрание сочинений Т.7 Берлин, 1923 С.12 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005407773?page=348>

[12] Там же С.31

[13] Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского издание шестое Том 12 Дневник Писателя за 1877,1880–81 гг СПб 1906 С 291 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003975968?page=293>

1.8. Солидаризационное развитие человечества

Перед экскурсом в прошлое предлагаю ознакомиться с одним из многих вариантов современного понимания русской идеи. В данном случае определение дано доктором исторических наук, профессором, членом-корреспондентом РАЕН В. Э. Багдасаряном.

«В чем сущностно заключается русская идея, какое ее прочтение давали? Несмотря на то, что различались подходы, в отношении того, откуда берется эта идея, различался и язык зачастую, аргументация, удивительное дело, что все мыслители с разными позициями... сходились в одном: русская идея – это идея солидаризационного развития человечества. Здесь важна каждая составляющая, каждый компонент этой формулы.

Первая составляющая – солидаризация. Это идея, выдвинутая в XIX веке, с таким наименованием, как соборность. Соборность – это особое духовное единение. Это даже не просто социализм – социализм как преобладание общего над частным – это даже не просто коммунизм... это духовное объединение...

Вторая составляющая – человечества. То есть не просто солидаризация одного народа, нации и тем более этноса, а это идея объединения человечества. Это миссионерский компонент русской идеи... Это идея спасения, спасения человечества. Здесь принципиально важно не господство, а спасение. Это прямо противоположно идее мирового господства <...>

Третья составляющая – развитие. Идея развития на основе солидаризации. Запад предложил идею развития на основе конкуренции. Россия, русская идея предложила другую модель – развиваться не на основе конкуренции, а на основе солидаризации». [1]

Действительно, у многих мыслителей, писателей и философов, размышлявших о русской идее, мы можем встретить нечто общее, а именно единение человечества на принципах любви, братства или для совершения общего дела (Федоров) как некое идеальное будущее и даже как некую цель для всего человечества.

А Федор Михайлович Достоевский прямо назвал единение человечества русской национальной идеей.

«Все у нас, несмотря на всю разногласицу, всё же сходятся и сводятся к этой одной окончательной общей мысли общечеловеческого единения. Это факт, не подлежащий сомнению, и сам в себе удивительный, потому что на степени такой живой и главнейшей потребности этого чувства нет еще нигде ни в одном народе. Но если так, то вот и у нас, стало быть, у нас всех, есть твердая и определенная национальная идея, именно национальная. Следовательно, если национальная идея русская есть в конце концов лишь всемирное общечеловеческое единение, то, значит, вся наша выгода в том, чтобы всем, прекратив все раздоры до времени, стать поскорее русскими и национальными». [2]

И многие исследователи отмечают эту общую черту. Автор книги «Русская идея и ее творцы» Арсений Гулыга пишет по этому поводу:

А. Гулыга: «Русская идея – это предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении. Она родилась в России, но опиралась на западную, прежде всего немецкую, философскую культуру. Ее источники: русский исторический опыт, православная религия, немецкая диалектика. Русская идея имела целью объединить человечество в высокую общность, преобразовать в фактор космического развития...». [3]

Но он же задается логичным вопросом: почему идея объединения и спасения человечества называется русской?

А. Гулыга: «Остается ответить на вопрос, почему идея объединения и спасения человечества называется русской? Случайно ли, что она родилась именно в нашей стране, или существует глубинная связь между перечисленным комплексом идей и жизнью русского народа?» [3]

Поставив логичный вопрос, Арсений Гулыга не отвечает на него. Впрочем, пытается связать это с жизнью народа. Ведь очень важно понимать, что русская идея не может быть лишь неким интеллектуальным конструктом, теорией, рожденной пусть даже каким-то гениальным умом. Она может быть взята только из среды народа, иначе это не русская идея, а нечто иное (взгляд отдельного мыслителя, солидаризационная мысль группы мыслителей).

И я не случайно привел одно из пониманий того, чем может являться русская идея (по мнению Багдасаряна В. Э.). Вслушайтесь в эту формулу: «солидаризационное развитие человечества». Если бы мы пытались понять, о чем писали мыслители XIX века, то да, возможно. Мы видим общие черты в их размышлениях, в части, обращенной в будущее. Мыслители приходят к тому, что человечество должно развиваться солидаризационно. Замечательно. Но можно ли назвать эту мысль искомой русской идеей? Ведь русская идея должна, как мне кажется, быть близка и понятна всем, а не только элите.

Давайте представим разговор двух солдат Российской империи, пытающихся осмыслить: чего ради на земле существует наша страна, чего ради они служат царю и Отечеству, «не жалея живота своего».

– Так ведь без нашего народа человечество не объединится, – вероятно, должен сказать один.

– И не будет развиваться, – видимо, добавит другой.

Нелепый разговор, не правда ли? Понимаете? Если это национальная или русская идея, то она должна быть, во-первых, проста, во-вторых, понятна, в-третьих, амбициозна! А как иначе?

В. Э. Багдасарян создал хорошую компиляционную формулу. И, как было уже сказано, многие исследователи, анализирующие работы мыслителей XIX–XX века, исследующих данный вопрос, увидев эту общую черту, решают, что это и есть русская идея.

Вот похожий взгляд, высказанный доктором филологических наук, профессором Петром Евгеньевичем Бухаркиным, автором работы «Русская идея в русской литературе» [4].

П. Е. Бухаркин: «Можно сказать, что именно соборность лежит в основе самореализации „Русской идеи“ [5]. <...> Получается, что сама от себя, то есть в своих манифестациях в словесном искусстве, „Русская идея“ говорит в самых конечных (а иногда и смазанных) пределах о соборности». [6]

Русская идея, по мнению профессора Бухаркина П. Е., в той или иной степени говорит о соборности. Причем понятие это сложное и не поддающееся четкой формулировке:

П. Е. Бухаркин: «Соборность – понятие сложное и многообразное, могущее быть по-разному интерпретированным и способное оборачиваться различными своими сторонами. Более того, из-за своей предельной ёмкости она не поддаётся жёсткой логической формулировке». [6]

В данной работе встречается интересное определение национальной идеи вообще:

П. Е. Бухаркин: «Любая национальная идея, в том числе и русская, является, в конечном счёте, выражением общенациональных представлений о смысле существования своей страны, её назначения и роли в мировой истории». [7]

Замечательно. Мы ищем общенациональное представление о смысле существования страны и роли России в мировой истории. Общенациональное! То есть всеобщее, понятное всем, принятое всеми или хотя бы большинством. И оно не может быть банальным. Ведь если так, то и роль России в мировой истории банальна. А банальное не вдохновляет, а значит, не может служить искомым «метафизическим топливом», позволившим славянским племенам объединиться и создать величайшую империю; топливом, позволившим возродить могучее государство, причем дважды в истории:

- первый раз, когда был преодолен период феодальной раздробленности (XII–XVI вв.),
- второй раз – после крушения Российской империи в начале XX века.

Двигала ли нашим народом мечта о солидаризационном развитии человечества? Или же стремление к объединению (соборность)? Если бы так, то почему распадались империи? Почему враждовали между собой княжества? Почему в конце XX века с такой легкостью и даже радостью встретили развал Советского Союза? Почему за тридцать лет так и не воссоединились снова? Соборность уже не работает? Или, как говорится, не всё так однозначно?

Давайте протестируем «соборность», как мы раньше тестировали «солидаризационное развитие человечества», гипотетическим общением двух представителей русского народа.

- Скажи, мил человек, для чего на земле Русь стоит?
- А это чтобы всем нам объединиться.
- А зачем? Какова польза от того миру («каково назначение и роль Руси в мировой истории»)?
- А это для того, чтобы... (?)

Видимо, помимо объединения (соборности), должно быть что-то ещё, то, ради чего происходит объединение. Мы же не капли ртути, чтобы стремиться к объединению ради самого объединения.

Возвращаясь к формуле В. Э. Багдасаряна, должно сказать, что в расширенном объяснении его формулы звучит нечто очень важное, но как бы вскользь.

Понятно, почему многие исследователи приходят к похожей мысли, похожим ответам. Так философ Арсений Гулыга назвал мыслителей XIX–XX века творцами русской идеи. Его книга, посвященная данной теме, так и называется: «Русская идея и её творцы».

Но ведь мыслители XIX века не пришли к однозначному выводу, так и не дали ответ: в чем заключается русская идея. Каждый давал свои трактовки, сходясь в понимании конечной цели, к которой должно (по их мнению) прийти человечество. Потому называть их творцами русской идеи, как мне кажется, нельзя. Скажу более: даже если бы ответ был дан, это всё равно не предотвратило бы крушение Российской империи. Нужно было ответить на вызов, который поставила перед русским народом история. Для этого недостаточно одной или двух философских статей, нужно нечто значительно более действенное! Другими словами: для сохранения русской христианской государственности, для того, чтобы избежать революции, требовалось нечто большее, чем просто философский ответ.

И чтобы объяснить эту мысль, необходимо немного забежать вперед, дабы не водить читателя окольными путями, по которым пришлось двигаться автору. Пока просто предлагаю принять к сведению сказанное. В дальнейшем это станет понятнее. Если кратко: русскую идею

не нужно придумывать, она существует и не меняется на протяжении всей русской истории. Однако она не может действовать сама по себе (как мысль, мечта или, собственно, идея). Для того чтобы она превратилась в созидательную силу, ей необходимо облечься в некую актуальную для данного исторического периода форму, которую можно назвать идеологией или идеологической формой, идеологической конструкцией или миссией.

Итак, русская идея (как мечта, мысль, идеал) нуждается в актуальной идеологической форме. Таким образом, перед мыслителями XIX века историей была поставлена сложнейшая задача: не только и не столько найти саму русскую идею, но предложить новую идеологическую форму (или реформировать прежнюю), согласующуюся с русской идеей, которая была бы принята большей частью народа. Христианские мыслители начали эту работу, но известные события XIX века не позволили им завершить начатое.

Тем не менее, новая идеологическая форма возникла. Но она была создана коммунистами. Хорошо или плохо, но она возникла и просуществовала некоторое время. Вот поэтому называть мыслителей XIX–XX века творцами русской идеи нельзя. Если бы иначе, то русское историческое бытие, получив необходимое «топливо», продолжило бы свое движение, и не было бы необходимости сворачивать на новый, неизвестный путь, пролежавший через обрушение, через радикальную трансформацию, или, как выразился философ Н. А. Бердяев, «через смерть».

Помимо того, назвать мыслителей «творцами русской идеи» – значит предположить, что ее не существовало до XIX века. Этому противоречит тот же Достоевский, называя ее исконно русской, уходящей истоками в Московское царство.

Из этого следует несколько выводов:

– Русская идея должна была существовать и до XIX века.

– Мыслители, размышлявшие над русской идеей, не смогли ее сформулировать. Но даже этого было недостаточно. Нужно было коренное реформирование прежней идеологической формы. Только так можно было избежать революции.

– Революция и последующий рост государства: территориальный, промышленный, научный, победа над армией объединенной Европы, выход на второе место в мире по многим параметрам, а по иным – и на первое, говорят нам о том, что коммунисты смогли предложить нечто новое и жизнеспособное. Новая форма, вместившая русскую идею, возникла. К сожалению, она была лишена христианского содержания и оказалась крайне неустойчивой – просуществовала всего лишь несколько десятилетий.

И ещё, так как русские мыслители XIX века не смогли сформулировать русскую идею, то нет смысла пытаться ее найти, обобщая всё написанное ими. А ведь именно по этому пути идет большинство исследователей. Потому «солидаризационное развитие», «соборность», «объединение человечества» – это лишь сходные мысли, встречающиеся у русских мыслителей XIX века и не только христианского толка (коммунисты и социалисты тоже говорили о братстве народов и о развитии). Это именно мысль, план идеального будущего, что-то иное, но не искомая идея.

Итак, давайте, обратившись взором в прошлое, попытаемся найти «метафизическое топливо», мечту, идею, вдохновившую русский народ на создание царства, позже – империи, просуществовавшей несколько веков, империи, раскинувшейся на двух континентах (пока не была продана Аляска).

Источники

[1] <https://www.youtube.com/watch?v=Smgg3vGUZH0> «Русская идея»: что не понимает власть

[2] Полное собрание сочинения Ф. М. Достоевского издание шестое, Том 12 Дневник писателя за 1877, 1880–81 гг СПб, 1906 С. 21–23 <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003975968?page=25>

[3] А. В. Гулыга Русская идея и ее творцы. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. С.32

[4] Бухаркин П. Е. «Русская идея» в русской литературе / П. Е. Бухаркин – «Издательство СПбПДА», 2014

[5] Там же С.18

[6] Там же С.24

[7] Там же С.6

2. Древнерусская идеология

2.1. Возникновение древней Руси

Итак, мы предположили, что русская идея не появилась в XIX веке, не была придумана гениальными мыслителями и это не цель, находящаяся где-то в отдаленном будущем. Русская идея – это то, что наделяет смыслом, воодушевляет, вдохновляет русский народ испокон веков. Её можно уподобить мечте.

Процитируем в очередной раз Федора Михайловича Достоевского, считавшего, что русская идея была уже в Московском царстве (а, возможно, и раньше).

Ф. М. Достоевский: «Допетровская Россия была деятельна и крепка, хотя и медленно слагалась политически; ...про себя же понимала, что несет внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше, – православие, что она – хранительница Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах. Эта драгоценность, эта вечная, присущая России и доставшаяся ей на хранение истина, по взгляду лучших тогдашних русских людей, как бы избавляла их совесть от обязанности всякого иного просвещения. Мало того, в Москве дошли до понятия, что всякое более близкое общение с Европой даже может вредно и развратительно повлиять на русский ум и на русскую идею, извратить самое православие и совлечь Россию на путь гибели, «по примеру всех других народов». [1]

В данном отрывке Достоевский упоминает русскую идею как бы вскользь, не разъясняя ее. Но нам важно именно то, что она, в понимании писателя, уже существует и в допетровской Руси – в Московском царстве. И связана она не с богатством, не с властью, не территорией или отечеством, а с беспредельным, высшим, вечным, драгоценностью, правой (правильной) Христовой верой, доставшейся нам на хранение, и которой нет больше нигде.

Не нужно придирается к словам. Ведь здесь речь идет о народном представлении. И в народном представлении после исчезновения Византии именно на Русь легла эта ответственность – хранить драгоценность, истинную веру, Христову истину, «затемнившуюся во всех других верах и во всех других народах».

И в дальнейшем мы увидим, что такое миропонимание действительно имело место, было устойчивым и повсеместным, выразившимся в народных сказаниях, песнях, былинах и проч.

Удивительное соседство

Богу (истории или провидению – кому какое понятие ближе) было угодно, чтобы нашим соседом через Черное море (в древности называвшееся Русским) стала великая православная империя, просуществовавшая тысячу лет, – Византия, Второй Рим, Восточная Римская империя.

О, это была действительно великая империя с развитой культурой, искусствами, зодчеством, передовыми науками. Но самое главное – это была первая в мире империя, в которой христианство, выйдя из подполья, стало официальной религией. Византия являлась мировым и единственным центром православия!

Константинополь – столица православной Византийской империи – на Руси именовался Градом Константина и Царьградом. Когда писал эти строки, вспомнил Пушкина, записавшего

в свою очередь народную сказку, где есть строки про заморские страны, заморские города и заморские чудеса.

«Ладно ль за морем, иль худо?

И какое в свете чудо?»

Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет;

За морем житье не худо,

В свете ж вот какое чудо:

Остров на море лежит,

Град на острове стоит,

С златоглавыми церквами,

С теремами и садами...» [2]

Само понятие «заморский», находящийся за морем, по-моему, возникло в те времена, когда наши предки на кораблях ходили: когда с торговлей, а когда с войной – в Римскую державу.

Знакомство шло постепенно. Как было сказано, это была и торговля, и грабительские набеги. Например, православный церковный праздник Положение честной ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне (15 июля) знаменует собой следующее событие: в 860 году флот русского князя Аскольда, состоящий из 200 ладей с воинами, с целью грабежа пришел к берегам Византии и осадил Константинополь. Угроза для города была серьезной. И греки стали молиться Божией Матери о спасении. Весь народ крестным ходом с ризой Богородицы обошел город. А потом ризу погрузили в воду залива, в котором находились ладьи завоевателей. По одной версии, разыгралась буря, разметавшая корабли. По другой версии, русы разграбили окрестности Царьграда, но сам город трогать не стали и ушли с богатой добычей. Но то, что город остался цел, было воспринято как чудо, в честь которого потом был даже установлен праздник.

Еще одна сторона легенды гласит, что некоторая часть русов-язычников пожелала принять святое крещение. Вообще, соседство с Византийской империей приводило к тому, что время от времени буйные и неукротимые славяне крестились и принимали Христову веру. И христианство изменило наших предков.

Есть письменные свидетельства о характере русов, наводивших порой ужас на своих соседей. Постепенно православное христианство проникло на Русь, меняя наших предков. Придет время, и всё византийское духовное и интеллектуальное богатство хлынет на нашу землю, наполнив её храмами, монастырями, святыми и святынями, книгами, ремеслами, искусствами. Придет время, и Русь влюбится в Христа, впитав Его учение, соединившись с Ним в Его Церкви. Христианство, по большому счету, и сформировало русский народ.

Дикие, языческие, кровожадные племена, от которых дрожали соседи, и та же Византия, не раз подвергавшаяся атакам и грабительским набегам наших пращуров, станут христолюбивыми и богомольными.

При написании работы возникло сомнение: нужно ли приводить исторические свидетельства суровости (назовем это так) наших языческих предков? Ведь когда говоришь своим о варварстве славянских племен, то на тебя иногда смотрят как на клеветника, желающего опорочить русский народ. Ведь кто-то думает, что наши предки только ходили в длинных рубахах, вплетали в волосы цветы и прыгали через костер, взявшись за руки, что не совсем верно. Славяне, жившие на Среднерусской возвышенности, вовсе не напоминали современных хиппи. Привожу известные факты с единственной целью, чтобы показать, как сильно изменила русских людей любовь ко Христу. Но и не только для этого. А и для того, чтобы напомнить евро-

пейским мыслителям, считающим славянство женским началом, «откуда есть пошла земля русская», какая дикая сила дремлет в славянах. Не зная этого или забыв об этом, французы, а потом и немцы уже однажды сильно пострадали.

Первые упоминания о русах

В житии св. Георгия, епископа Амастридского, написанном предположительно в первой половине IX века, можно прочитать следующее:

«Житие, между прочим, рассказывает о нашествии на Амастриду „варваров, Рос (Ρως), народа, как все знают, в высшей степени дикаго и грубаго“, „губительнаго и на деле, и по имени“. „Зверские нравами, безчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом“. Росы, „начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье достигли“ и Амастриды, лежавшей на южном берегу моря». [3] Также здесь. [4]

Или вот, сохранившееся окружное послание Константинопольского патриарха Фотия (866 год), писавшего о нашествии русов на Царьград:

«Ибо не только этот народ (Болгаре) переменял древнее нечестие на веру во Христа, но и народ часто многими упоминаемый и прославляемый, превосходящий все другие народы своей жестокостью и кровожадностью, – я говорю о Руссах, – которые, покорив окрестные народы, возгордились и, возымев о себе высокое мнение, подняли оружие на Римскую державу. Теперь они сами переменяли нечестивое языческое суеверие на чистую и непорочную христианскую веру, и ведут себя (в отношении нас) почтительно и дружески, тогда как незадолго пред тем беспокоили нас своими разбоями и учинили великое злодеяние». [5]

Существуют разные взгляды на появление имени «Русь», ставшего именем нашего народа. Скандинавская версия, утвердившаяся на Западе, гласит, что Русью именовалось скандинавское племя, пришедшее княжить в Новгородскую землю и распространившее свое влияние на всю страну. Однако есть и другие варианты. Так, в летописи Нестора (Лаврентьевский список) читаем, что именем «Русь» именовалось самое сильное славянское племя – поляне.

«Словени, иже седяху на Дунаеви, их же прияша Угри, и Марава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже ныне зовомая Русь». [6]

А в уставе византийского императора Льва Философа (886–911 гг.) «О чине митрополичьих церквей, подлежащих патриарху Константинопольскому» в списке церквей под номером 61 указана церковь Русская, рядом со следующей за нею церковью Аланской» [7], чего не могло быть, если бы Русью именовалось скандинавское племя, которое было языческим.

Д. Иловайский пишет в своей работе, что вряд ли под этим именем понимается Киевская Русь, потому что в это время в Киеве княжит язычник Олег. И нет никаких упоминаний о крещении жителей Киева. Исследователь предполагает, что Русью Византия называла какие-то Азовско-Черноморские славянские племена. Что подтверждает мысль о том, что Русь – название не привнесенное скандинавское, а принадлежавшее местным славянским племенам.

Или вот интересное свидетельство арабского путешественника Ибн-Хордадбе (60–70 года IX в). В «Книге путей и государств» упоминаются купцы русские (ар-Рус) из «племени Славян».

Ибн-Хордадбе: «Что же касается купцов русских (ар-Рус) – они же суть племя из Славян – то они вывозят меха выдры, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии к Румскому морю, и царь Рума берет с них десятину». [8]

Гостомысл

Норманисты строят свою теорию на выдержке из «Повести временных лет» (сохранившейся в нескольких различающихся списках: Лаврентьевском, Радзивилловском, Хлебниковском, который входит в состав Ипатьевской и Троицкой летописи), откуда можно сделать вывод, что славянские племена призвали заморское племя, именуемое Русь, править. Правда, перед этим славяне изгнали варягов.

Лаврентьевский список: «Изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собе володети. И не бе в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, быша в нихъ усобице, и воевати почаша сами на ся. Реша сами в себе: „Поищемъ собе князя, иже бы володелъ нами и судилъ по праву“. Идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тѣ варязи суть, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анѣглыне, друзии гѣте, тако и си. Реша руси, чюдъ, словени, и кривичи, вся: „Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нетъ. Да поидете княжить и володети нами“. И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собе всю русь, и придоша: старейший Рюрикъ, а другой – Синеусъ на Беле-озере, а третий Изборъсте Труворъ. От техъ прозвася Руская земля». [9]

В разных списках летописи имеются незначительные различия (отражены в сносках внизу страницы [9]). В целом смысл сводится к тому, что славянские племена, прогнав варягов, решают призвать варягов на княжение. Звучит противоречиво? Но есть важное дополнение: изгнаны просто варяги, а призываются некие варяги, именующиеся Русью. Здесь же сказано, что это не шведы (свие), не норманны (урмане), не англичане (анѣглыне). Решено обратиться к некоему племени (Руси), живущему на берегу Варяжского моря. Одновременно мы видим, что среди прочих племен, собравшихся пригласить варягов, также есть племя русь («руси, чудь, словени, кривичи» [«русь» – в Ипатьевской летописи и Хлебниковском списке]). То есть, скорее всего, славяне решают призвать на княжение не чужаков, но представителей своего же племени, только живущих за морем. Да и как можно призывать тех, от кого только что отбились («изгнаша варяги за море»)?

Нестор-летописец, создававший свое произведение в конце XI – начале XII века, не дает больше разъяснений, кого же все-таки пригласили славяне на княжение. Однако кое-где встречаются интересные дополнения.

Так, в дополнении к Ипатьевской летописи читаем:

«В лето от создания мира 6356, а от рождества Христова 848...возстаха Кривичи, Славяне, Чудь и Меря на Варяги, и изгнаша их за море, и не даша им дани... И согласишвесе все послаша ко Варягом, иже зовутся Русь, со молением глаголюще: „се земля наша добра и велика и обилна, но строения доброго несть в ней, понеже старейшины не имама: но прийдете княжити в земле нашей и владети над нами“. Неции же глаголют, яко Гостомысл, иже бе у Словян, си есть Новгородцев, старейшина, умирая повелел им пойти в Рускую (сноска – „в прусскую“) землю, во град Малборк, поискати себе князя; еже и сотвориша». [10]

Появляется еще одно имя – Гостомысл. В истории государства Российского Карамзина тоже упоминается это имя, но как предание:

Н. М. Карамзин: «Славяне, убежденные, – так говорит предание, – советом Новгородского старейшины Гостомысла, потребовали властителей от варягов. Древняя летопись не упоминает о сем благоразумном советнике; но если предание истинно, то Гостомysl достоин бессмертия и славы в нашей истории». [11]

«Повесть временных лет», положенная в основу едва ли не всех более поздних летописей и списков, составлялась в конце XI – начале XII века монахом Киево-Печерского монастыря, а описываемые события происходили в Новгороде в IX веке. Нестор о них или не знал, или, если ему были доступны более ранние Новгородские летописи, посчитал возможным опустить прочие сведения. А между тем имя Гостомysl хоть и не попало в «основную» летопись, сохранилось в истории, и даже Карамзин указывает на него, хоть и с необходимыми оговорками.

Встречаем это имя и в «Повести о стране Вятской» (или «Вятском летописце»), где упоминается время построения Новгорода и Гостомysl как его первый правитель. [12].

«Эти народы храбростью своей вынудили его заключить союз со своими князьями и приняли от него мирные грамоты и иные почести.

Когда же они еще более умножились и возмужали в храбрости, то покорили многие города и земли и обложили данью даже столицы государств. Тогда избрали они правителем Гостомысла, одного из своих граждан, и переименовали свой город в Новгород Великий, сами же стали именоваться славенороссами. И со временем тем народам воссияла заря Божественной благодати – через великого князя Владимира в 6496 (988) году они приняли Святое Крещение и стали христианами». [13]

А вот выписка из исторического словаря российских государей (1793 год):

«Рюрик. Первый князь Российский. Родился у Варягов в 830 году. Призван с братьями своими Синеусом и Трувором на княжение Российское в Новгород, последним оной республики владетелем Гостомыслом в 862 году. Княжить начал прежде в старой Ладоге, которую и укрепил. А по кончине братьев своих в 865 году перешел в Новгород, в которой прежде сего взойти боялся, ибо не надеялся на постоянство кичливых Новгородцев; по сему утвердил в нем столицу. Привел под самодержавную власть свою часть Северной России. От того время народы единоначальством управляемы, и из многих колен и языков составленные, названы одним именем, то есть Россами. Управлял ими благоразумно; Государствование его было благополучно и спокойно. Княжил сей первоначальный основатель и распространитель России 17 лет; скончался в 879 году, жил 49 лет. Положен в Новгороде». [14]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.